

Андрей Ветер

В поисках своего дома

Андрей Ветер

В поисках своего дома

«Издательские решения»

Ветер А.

В поисках своего дома / А. Ветер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858239-4

Первая книга в истории русской литературы, замахнувшаяся на гигантскую тему освоения Дикого Запада и попытавшаяся охватить все основные события той кровавой эпохи. Роман «В поисках своего дома» предназначен для широкого круга читателей; каждый найдёт в этой книге что-нибудь для себя.

ISBN 978-5-44-858239-4

© Ветер А.
© Издательские решения

Содержание

Новая жизнь (1860)	7
1	7
2	13
3	15
4	16
5	18
По чужим следам (1861)	20
1	20
2	22
3	25
4	28
5	30
6	32
7	34
Юдит Моррисон любит тебя (1863)	36
1	36
2	39
3	41
4	44
Кровь с берега ручья (1864)	46
1	46
2	48
3	51
Жена (1865)	53
1	53
2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

В поисках своего дома

Андрей Ветер

© Андрей Ветер, 2019

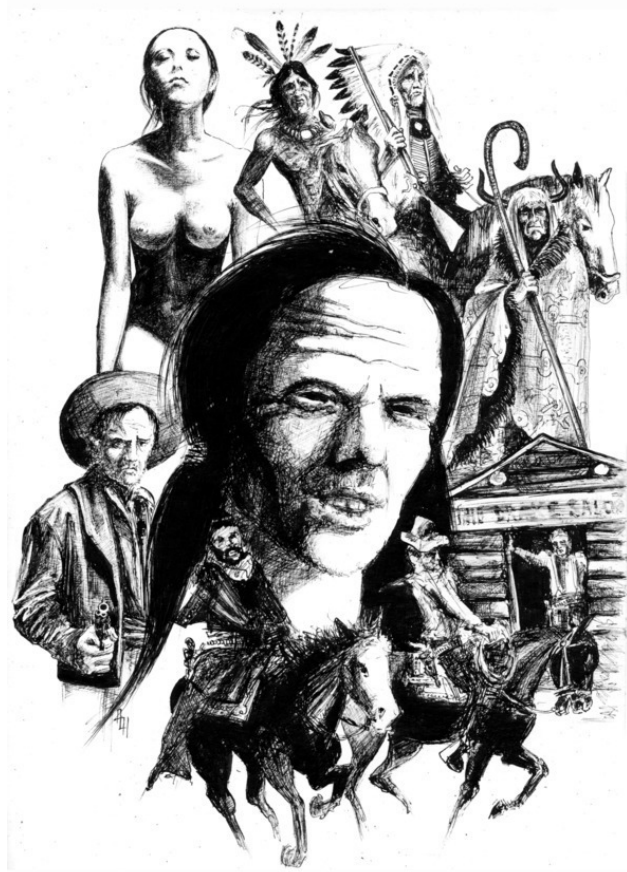
ISBN 978-5-4485-8239-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последнее время старик совсем не разговаривал. Он молча сидел на рассохшемся стуле и смотрел в окно бесцветными глазами. Он всегда усаживался таким образом, чтобы в окне не виднелись заборы и постройки, чтобы только сосны и заснеженные вершины гор отражались в его зрачках.

Он умер в первый день зимы, и его похоронили на следующее утро. На могилу поставили небольшую доску с овальным верхом, на которой чья-то рука криво вывела: «Здесь покоится Кожаный Док Эллисон. Умер в 1915 году. У него нет родных. Пусть Бог не оставит его».

Новая жизнь (1860)

1

Бак Эллисон остановил коня в самом начале широкой пыльной улицы и осмотрелся. На просохшей после вчерашнего дождя дороге застыли глубокие следы повозок и конских копыт. Большинство домов по обе стороны улицы походили на дощатые ящики, украшенные вывесками и надписями, выполненными прямо на стенах. Временами ветер порывисто поднимал с земли обрывки бумаги и тащил их от дома к дому, чтобы прилепить их на какой-нибудь потрескавшийся столб или на покосившийся забор скотного двора.

Эллисону недавно исполнилось двадцать пять лет, но суровый (если не сказать тяжёлый) взгляд из-под сведённых бровей и смуглость лица, которого много дней не касалась бритва, делали его старше. Длинные тёмные волосы, стянутые у висков тонкими полосками сыромятной кожи, опускались на плечи из-под пушистой шапки, украшенной горстью беличьих хвостов и большим орлиным пером. Мягкая замшевая одежда с бахромой вдоль швов на рукавах и штанинах потемнела от бессменной носки и не могла похвастать былой красотой, лоснясь во многих местах. Судя по остаткам бисерной вышивки на спине, куртка некогда предназначалась для праздничных выходов, но теперь стала повседневной.

Прислушавшись, Бак Эллисон услышал залиvistый детский смех. Смех доносился из-за кустов, росших вдоль забора, который обрамлял единственный в городе особняк. Бак повернул коня и приблизился к ограде. Во дворе, прячась в тени раскидистого дерева, холёный мужчина с прилизанными волосами сидел на качелях и громко фыркал. Перед ним смеялась и повизгивала девочка лет восьми-десяти. Она всеми силами пыталась напоить господина из большой стеклянной посуды и вся трепетала от восторга, когда вода проливалась мимо его пухлого рта на красивый шёлковый халат. Мужчина хихикал, отряхивая халат руками, но маленькая шалунья сию же минуту вновь плескала из склянки.

Бак наблюдал, никем не замеченный. Сцена заставила его улыбнуться, и озабоченность, похоже, сошла с его загорелого лица. Девочка прыгала, поджимая одну ножку, и кружилась на месте. Её пышное белое платье то и дело вспыхивало кружевами на жарком солнце.

– Дядя Бен! Вы должны играть взаправду! – переливался её голосок. – А вы никак не хотите, вы не пьёте, а лишь брызгаетесь!

В очередной раз облитый дядя Бен спрыгнул с качелей и пошёл в дом. С него текло. Девочка заняла его место и принялась раскачиваться, поджав под себя ножки в туфлях с голубыми бантами. Внезапно её смех оборвался. Она спрыгнула с качелей и направилась прямо к изгороди, за которой сидел на лошади Бак. Он мог поклясться, что девочка не могла его разглядеть сквозь густую листву, да и солнце било ей прямо в глаза. Но белое платье подошло к нему почти вплотную. Девочка отодвинула тяжёлую зелёную ветвь, чтобы лучше видеть, и внимательно осмотрела человека на лошади. От него пахло дымом и чем-то ещё терпким.

– Папа говорит, что мы здесь не любим незнакомцев, – строго сказала она, не отрывая взгляда от Бака. Он не шевелился, но лошадь его, будто бы возмущаясь таким нелюбезным обращением, помотала косматой головой и фыркнула.

– Почему вы так смотрите на меня? – Девочка заслонила рукой от солнечных лучей и сощурилась. Перед ней был человек из тех, какие никогда не осмеливались появляться в её доме. Она часто видела в городе людей, похожих на этого, их называли охотниками и следопытами. Они всегда выглядели грязными, бедными и усталыми, но вели себя независимо. Этот незнакомец чем-то отличался от них, но чем? Своим детским чутьём девочка безошибочно угадала в нём дикость лесного оленя, к которому никак нельзя подойти, чтобы погладить

по нежной шее. От этого человека веяло необузданностью и хищной силой. Но он не пугал девочку, несмотря на свои ужасно длинные волосы, не соответствующие привычному облику мужчины, и тёмные руки, покрытые царапинами.

– Почему вы смотрите? – спросила она опять.

– Я не могу ответить тебе, потому что я не знаю ответа, малыш. Я просто смотрю. – Бак Эллисон склонился, чтобы заглянуть девочке в глаза, и его окатило свежестью забытого детства.

– Я не малыш, – топнула ножкой она. – Я леди.

– Хорошо, леди...

– Лиза! – позвали из дома, и в дверном проёме промелькнула полная негритянка в переднике и чепчике. – Все садятся за стол!

– Тебя зовут, леди-малыш, – сказал Бак и поднял ладонь в прощальном жесте. Улыбка не сходила с его лица. Девочка без видимой охоты повернулась и уходит медлила.

– Лиза!

– Малыш, – сказал Бак, – возьми это! – Он быстро, сам не зная для чего, развязал тесёмку на шее и снял какое-то украшение. Он не смог дотянуться до руки девочки и перебросил его через кусты. – У меня нет лучшего подарка. Возьми это.

Он помахал рукой. Лошадь послушно тронулась и повезла его вверх по улице. Лиза сделала реверанс и шаловливо послала вслед уезжающему всаднику воздушный поцелуй. Она нагнулась и подняла из травы оставленный подарок. Это оказалось индейское ожерелье из четырёх параллельных ниток, на которые были нанизаны гладкие продолговатые костяшки с красовавшимися между ними крупными синими бусинами.

– Благодарю вас, сэръ, – прошептала она и побежала в дом, пряча подарок за спиной.

Бак спрыгнул на землю перед кособокой конторой Дрейка, которая ютилась возле двухэтажного здания почтовой станции. Вдоль улицы стояли четыре огромных грязных фургона с брезентовыми покрытиями. Чуть в стороне сгрудилось около десятка вонючих коров, виднелись навозные пятна. Худой юноша с серо-зелёным лицом сидел на пыльных тюках и свёртках, сваленных у стены почтовой станции, и прижимал к груди костыли. Бак отбросил длинные косы за спину и направился в контору.

При звуке скрипнувшей двери мистер Дрейк (он сидел за квадратным канцелярским столом, опустив коротко стриженную седую голову) вскинул брови. Мутные солнечные лучи пробивались сквозь пыльные окна и падали на его впалые щёки.

– Бак, дорогой мальчик, – поднялся Дрейк из-за стола навстречу вошедшему и рассыпал какие-то бумаги. – Я ждался... Люди давно бы отправились в путь, но лопни мои глаза, если кто-нибудь возьмётся вести такой крохотный караван...

Дрейк обнял Бака за плечо и отвёл в угол.

– Дело даже не в обозе, Бак, – он понизил голос до едва слышного шёпота. – Скажу тебе честно: эти переселенцы – мормоны. Понимаешь? Они, видишь ли, не в ладах со всем светом. Одним словом, они уже успели попасть в передрагу, и никто не желает проводить их до Ларами. Я рассказал им про тебя, и теперь они могут надеяться только на тебя.

Стулья в комнате были заняты тихими бородастыми людьми, которые выглядели измученными, носили сильно изношенные пыльные рубашки, застёгнутые, правда, на все пуговицы до самого верха. Они грустно улыбнулись Баку сквозь свои бороды, но их улыбки тут же растаяли и фигуры снова превратились в печально-молчаливые силуэты на солнечных стенах.

– Мы ждали тебя дня два назад, – как бы с укором покачал головой Дрейк, – ты опоздал.

– В городе время определяют по часам, – ответил Эллисон, – на равнинах его измеряют собственной жизнью. Я сказал, что я приеду, и вот я здесь. Если бы поторопился, то сейчас лежал бы на излучине Молочного Ручья без волос.

Дрейк понимающе сдвинул брови, явно ожидая увлекательного рассказа, но Бак замолчал. Он сел на корточки, положил ружьё на колени и прислонился спиной к двери, устремив глаза на присутствующих.

– Вот этих людей надо вести?

Дрейк засуетился. Он принялся объяснять, что мормоны очень торопились, потому что рассчитывали нагнать возле Ларами большой обоз до Солт-Лэйк-Сити. Главный в их группе, назвавшийся Брэккетом, наиболее опрятный, но тоже изрядно помятый, держа широкополую шляпу священника в руках, сказал, что они слышали много лестных слов о Баке. Они желали выехать по возможности скорее, дабы успеть воссоединиться со своими братьями по духу и дружной семьёй продолжать ехать до славного города на Солёном Озере.

На рассвете маленький обоз, вовсе не похожий на привычные в пограничье длинные вереницы фургонов, называемые поездами, покатился по запылённой улице Лэсли-Таун. Если бы не громыхание и скрип колёс, то в утреннем тумане повозки, покрытые старым выцветшим брезентом, могли бы показаться призрачными парусниками. Бак молча ехал наравне с головным фургоном. Бок о бок с ним раскачивался в седле мистер Брэккет и монотонно бубнил что-то о каких-то ламанитянах и письменах на скрижалях, будто хотел сыпавшимися из него историями о мормоновских пророках заморозить Эллисона.

В полумиле от города их настиг разгорячённый всадник, осадил высокого гнедого жеребца, на боках которого висели грязные дорожные сумки, набитые доверху. Человек поднял в приветствии мятую шляпу. У него оказалась бритая голова и короткая крепкая шея.

– О`Нил, – представился бритоголовый. – Едва не упустил вас...

Оказалось, он услышал от кого-то, что группа мормонов двинулась к форту Ларами, и решил, что ему с ними по пути, не в город обетованный детей Нефи и Ефира, разумеется, а до укрепленного поста на реке Плат. Он жизнерадостно засмеялся и похлопал рукой по расчехлённому ружью у седла.

– Клянусь святым Патриком, со мной вам будет явно веселее. Ирландия славится весёлыми людьми, а я как раз ирландец...

Когда приблизился вечер, все четыре фургона безжизненно замерли, поставленные квадратом вокруг костра, и возле огня закопошились утомлённые путешественники. Ирландец О`Нил опустился на землю возле Бака и свернул для себя курево.

– Сначала я подумал, что ты здорово уверен в себе, раз взял с собой ватагу этих овец, – заговорил О`Нил, словно продолжая какой-то незаконченный разговор, – но сейчас готов биться об заклад, что ты просто так же мало знаешь об этих святых братьях, как о личной жизни английской королевы.

Бак с удивлением взглянул на ирландца.

– Разве они особенные? – спросил он, кивком указывая на мормонов.

– Особенности? Да ты несведущ в этом деле, как младенец. Ты читаешь следы на земле с такой же лёгкостью, с какой городской мэр пролистывает газету, но, похоже, в людях ты не разбираешься ни на цент. – О`Нил хлопнул себя по ляжкам. – Мормоны ненавидят всех и готовы удавить из-за своей религии любого, кто выступит против неё. В своё время некий Джозеф Смит объявил, что выкопал где-то Книгу Мормона и по ней составил новую Библию, будь ему неладно. С тех пор его последователи считают всех других людей язычниками, даже верных христиан. По разным причинам их гнали отовсюду. Особенно, как я слышал, им досталось в Миссури, где их отстреливали, словно бешеных собак. А они терпели, потому что, согласно своей вере, не имеют права держать оружие в руках. Они вроде как не переваривают насилия.

– Ты хочешь сказать, что я веду обоз, в котором никто не умеет стрелять? Эти люди рискнули выбраться в прерию, не вооружившись? – Бак был потрясён. Он не знал, насколько

верны слова О'Нил, но убежденность, с которой говорил ирландец, заставляла его верить услышанному.

– Дружище Эллисон, – ирландец похлопал его по плечу, а в это время над их головами одна за другой проявились во мраке алмазные крупницы звёзд, – в том-то вся соль. Плевать на то, что у них многожёнство, плевать на их новую Библию. Они орут «не убий!» во всю глотку и не возьмутся за пистолет даже для защиты любимого дитяти, чёрт подери. Среди них есть, правда, такие, которые за исправностью револьвера следят больше, чем за чистотой своего исподнего, но таких мало. Их специально сочинили мормонские главари, чтобы уничтожать неугодных. Ангелы-мстители. Палачи на службе у Всевышнего. Года три тому назад эти мстители перебили на Горном Лугу полтораста невинных душ из Арканзаса и Миссури, потому что они ехали из штатов, где в своё время началась травля мормонов.

Эллисон углубился в молчаливое созерцание путешественников. Теперь ему стали понятны их постоянные молитвы и то, что ни разу даже краем глаза не видел у них винтовки или пистолета.

Со следующего дня он повёл обоз ещё осторожнее, хотя и прежде никто не мог обвинить его в невнимательности. Он постоянно выезжал вперёд, разглядывал вздыбившуюся холмистую землю и подолгу высматривал что-то в траве.

Худой юноша-калека в первом вагоне, которого Бак видел возле почтовой станции, то и дело высовывался из-под руки возницы и кричал Брэкету, что ему надоело плестись, что надо ехать быстрее. Брэкет пытался выяснить, что именно беспокоило Бака, почему они двигались так медленно но, проводник отвечал угрюмым взглядом из-под мохнатой шапки.

Однажды он остановил фургоны и уехал далеко вперёд. Вернувшись через час, он объявил, что необходимо переждать.

– Что, собственно, произошло? – высунулся из фургона юноша с костылями.

– Пока ещё ничего, – сказал Бак и слез с коня. Длинная бахрома на его одежде заколыхалась. – Но произойдёт обязательно, если сию минуту поедem дальше.

О'Нил и Брэкет взволнованно забросали Бака вопросами. Ирландец нервно стискивал ружьё. Следопыт пояснил, что видел военный отряд.

– Краснокожие? – спросил О'Нил, обтирая вспотевшую шею и отгоняя мошкарку.

Бак утвердительно кивнул.

– Я думал, случилось что-то серьёзное, а вы видели издали кучку бродяг! – выкрикнул худой юноша из повозки.

Из фургона выпрыгнул ещё кто-то и заговорил, что они упустят обоз мормонов в Ларамии. Послышались другие недовольные голоса. Эллисон слушал их молча.

– Я собственные волосы сумею сохранить, – сказал он вдруг, – но что вы будете делать? Или думаете, что индейцы послушают ваши проповеди и повернут обратно? Ошибаетесь, они любят достойного врага, сильного, смелого, храбрость которого можно ощутить на себе. А вас они просто со смехом убьют. У вас нет даже пистолетов.

– У меня есть револьвер! – выкрикнул калека. Загремели упавшие костыли. – И я умею им пользоваться. Когда мы приедем в Солт-Лэйк-Сити, я упрошу мистера Янга сделать меня мстителем... А вы – жалкий дикарь, который хочет заработать побольше денег. Мы платим вам за каждый день пути, поэтому и тянете время...

Мистер Брэкет воздел руки к небу и долго успокаивал своих братьев, убеждая их внять голосу разума. Бак поднялся вверх по склону и устроился под кустом, сосредоточенно вглядываясь в волнистый горизонт. Он не обернулся, когда стихли споры, и остался внешне невозмутим, когда два фургона из четырёх тронулись с места и, тяжело гремя, прокатили мимо него. Лениво следом трусили коровы, протяжно мыча. Бак проводил их глазами и мысленно попросил Всесильных Духов сжалиться над глупцами.

– Бак, – свесился из седла над ним О’Нил, – я поеду с ними. Кто знает, может, помогу чем-нибудь этим библеистам. Отпугну дикарей...

– Отпугнёшь? – спросил в ответ Эллисон, и в его глазах ирландец прочитал приговор.

– В любом случае, скальп у меня не слишком богатый, – принуждённо засмеялся О’Нил и обнажил бритую голову. Солнце вспыхнуло у него на затылке. – Да поможет мне святой Патрик.

Он понёсся вдогонку удаляющимся фургонам. Бак остался лежать на земле, следя за непонятными людьми, которые так спешили к своей смерти. В племени, где Эллисон провёл десять долгих лет, он знал нескольких ослабших стариков, которые специально выставляли себя противнику. Но то было иное. Они готовились к подобной кончине, героической и почти торжественной. Они наряжались, пели песни. Они не желали умереть от слабости и выезжали с военным отрядом или в одиночку, чтобы погибнуть, как полагалось воину. Один из стариков (Бак видел его достаточно близко и понимал, что дряхлые его руки не смогли бы удержать боевого топора) раскинул руки в стороны и остался стоять на месте, показывая врагам, что не делает ни шагу назад, что он ждёт смерти. И его убили. Бак запомнил, как копьё, которым его пронзили насквозь, вышло из спины наружу. Обмотанная вокруг древка шкура выдры вылезла с обратной стороны тела сморщенным окровавленным клочком, подобно мокрому птенцу...

Но мормонов вело к смерти глупое упрямство.

Солнце нещадно поливало крутые холмы жаркими волнами дрожащего воздуха. Редкие облачка плавись в густом сапфировом небе. Топот лошадей и скрип колёс давно стихли. Наступила мучительная тишина.

– Господи, дай им пройти через ниспосланные тобой испытания, – сложил руки на груди бледный Брэкет.

Они прождали целый день в густо заросшей низине. Бак то и дело выезжал куда-то, долго смотрел, слушал, затем молча сидел около колеса фургона.

Утром он разрешил двигаться дальше. Он знал, что даже провидение не спасло уехавших вперёд упрямец.

Перебравшись через ручей, Бак дал знак фургонам остановиться. Брэкет осадил своего мула возле Эллисона.

– Что случилось?

Бак потянул носом. Казалось, он не вбирал запах, а ощупывал воздух всей кожей лица. Его глаза буравили пространство. Затем они вдвоём перебрались через хребет длинного пологого холма и сразу же обнаружили фургон, на который было совершено нападение. Метрах в ста от него они увидели тело старика. Во время атаки он, видимо, выпрыгнул и побежал для чего-то к первой повозке. Его застрелили в спину, а голову искрошили дубинками. Рядом валялся топор, взятый из фургона и покрытый кровью. Тело старика было утыкано стрелами. Бак спокойно спешился, нагнулся над землёй и внимательно осмотрел следы вокруг тела.

– Вы пока позовите остальных, – вспомнил он про оторопевшего Брэккета.

Он выдернул из трупа несколько стрел и изучил их. От наконечника к оперению тянулись по три волнистые линии. Бак бросил стрелы и направился к фургону. Вокруг валялись обрывки картонных коробок, куски искромсанной упряжи и белела на солнце рассыпанная мука. Возле колеса лежало тело юноши-калеки, который так яростно ругал Бака за чрезмерную осторожность. Окровавленная правая рука его крепко стиснула барабанный пистолет, но все патроны оказались на месте. Он не успел выстрелить. Индейцы напрасно ковыряли и резали его руку, пытаясь достать оружие. Спазм смерти оказалась сильнее их ножей. Парень был оскальпирован.

Бак обернулся на звук громыхающих повозок. Над хребтом появились качающиеся брезентовые покрытия.

– Много вам придётся пережить на этом свидании со смертью...

Около фургона он увидел возницу. Остаток волос на плешивой голове был сорван, уши отрезаны, в теле торчала добрая дюжина стрел. Рядом с ним растянулся бритоголовый ирландец. Его застрелили в лоб, сняли добротную куртку и рассекли сухожилия на обеих руках. Ружья нигде не было, но вокруг валялись гильзы, много гильз. Ирландец успел повоевать.

2

Оставшийся путь покрыли за четыре дня. Мормоны были укутаны в траурное молчание, которое давило на Бака больше бесконечных разговоров о священной книге мормонов. В их молчании жил чудовищный испуг. Они дышали страхом друг на друга, дышали на Бака. Он ощущал их состояние всем телом. Они оказались в положении косули в окружении охотников.

Сам Бак испытал подобный страх впервые, когда увидел, как индейцы принялись убивать его родителей в точно такой же жаркий и пыльный день. Это случилось десять лет назад. В тот день Бак должен был отметить своё пятнадцатилетие. Индейцы появились внезапно и, пуская стрелы и издавая пронзительные вопли, стремительно окружили караван переселенцев. В памяти мальчика надолго отпечатались окровавленные тела отца и матери с расколотыми черепами.

Высокий дикарь со страшным лицом, рассечённым двумя глубокими шрамами, забрал Бака с собой. Его звали Прыткий Койот. В течение тех нескольких дней, которые белый мальчик провёл в его хижине, дикарь почти не замечал своего пленника. Когда ужасный индеец садился есть, его жена ставила деревянную миску с едой и перед Баком. Вскоре Прыткий Койот отдал Бака другому индейцу. Бак не понимал речи дикарей и не мог спросить, почему его передавали из рук в руки, но был рад очутиться подальше от человека, который хладнокровно и жестоко убил родителей на его глазах. Когда же он познал язык людей, среди которых очутился, он уже не вспоминал о дне своего пленения. Психика здорового человека не позволяет вспоминать кошмары.

Новыми отцом Бака стал индеец по имени Жёлтая Птица. Он происходил из *Оглалов*, что означает Разрозненные, а его жена Лесное Лицо была родом из *Сичангов*, то есть Опалённые Бёдра. Оба племени входили в союз семи племён, известный как *Лакоты*.

Однажды Жёлтая Птица вошёл в палатку и сказал:

– Из похода против Вороньего Племени вернулся отряд Бурого Медведя; воины пригнали много лошадей. – Жёлтая Птица посмотрел на Бака и добавил: – Погиб Прыткий Койот.

– Я рад, – ответил Бак.

Это был единственный раз, когда в его присутствии было упомянуто имя человека, лишившего мальчика родной семьи. Но к тому времени Бак Эллисон уже освоился в обществе кочевников и считался полноправным членом племени. За его плечами было два похода в стойбища врагов, три уведённых лошади и одно прикосновение к врагу в бою, что считалось наивысшей воинской заслугой. Он быстро вырос, ухаживал за девушками, принимал живое участие в общих праздниках и почти никогда не вспоминал о белых людях.

Однако через пять лет ему пришлось не только вспомнить о людях с белой кожей, но и столкнуться с ними в бою. Навещая вместе с Жёлтой Птицей родственников жены в деревне Маленького Грома, Бак попал под беспощадный огонь американских солдат. Ничего не ожидавшие индейцы бросились врассыпную, как перепуганные зверьки, гонимые животным инстинктом самосохранения. Многие не успели проснуться и остались лежать в палатках, сражённые картечью. Солдаты налетели внезапно, стреляя во всё живое на своём пути. Бак слышал позже, как многие кавалеристы утверждали, будто в ночной тьме и утреннем сумраке трудно отличить длинноволосого воина от индейской женщины. Но поверить не мог, ведь затоптанные тела грудных детишек никогда не были похожи на взрослых воинов...

Двадцатилетний юноша, Бак уже имел репутацию прекрасного охотника и доблестного воина, поэтому привычка мгновенно реагировать на любые неожиданности бросила его на спину послушного мустанга. Увидев, как синяя цепь кавалеристов принялась гонять стайку женщин, среди которых металась его индейская мать, Бак ястребом кинулся к солдатам. С безумным криком он вышиб одного из них из седла ударом боевой палицы и завладел армей-

ским карабином. Сквозь сизую пелену он вместе несколько раз выезжал вперёд и стрелял в сторону солдат. Бак яростно нажимал на спусковой крючок, не особенно надеясь попасть в цель, ибо до этого лишь пару раз держал огнестрельное оружие в руках. И всё же одна из выпущенных им пуль сразила рыжего кавалериста. Расстояние было велико. Пуля попала всаднику в лоб. Это была, конечно, случайность, но именно она дала Баку Эллисону новое имя – Далёкий Выстрел. Впоследствии прозвище укрепилось за ним навсегда, да и винтовка в его руках превратилась в оружие, редко дающее промах.

Во второй раз судьба столкнула его с белыми людьми в Чёрных Холмах. Грязные бородатые мужчины обстреляли охотничью партию Огглов с высокого утёса, возможно, желая просто позабавиться. Шутка закончилась для бородачей печально. Никто из них не выжил. Лакоты ни с кого не сорвали скальпы, ни у одного не забрали одежду, так как от Бледнолицых отвратительно пахло, но взяли все пистолеты и ружья. У одного из убитых Бак обнаружил на поясе засаленный мешочек с золотым песком.

Так шаг за шагом Бак Эллисон по кличке Далёкий Выстрел начинал своё новое знакомство с белым человеком, о котором он успел изрядно подзабыть. Теперь Эллисон решил посмотреть поближе на мир, который он оставил волею судьбы десять лет назад. Случайно ему повстречался седовласый мистер Дрейк с хитрым прищуром на загорелом морщинистом лице. Он дважды пристраивал его проводником при больших фургонных поездах. На третий раз попались мормоны.

3

Неподалёку от форта Ларами¹ стояли по кругу два больших обоза. Возможно, один из них был именно тот, который мечтали догнать мормоны. Впрочем, их караван мог уже и уйти. Бака не интересовало это ничуть. Он сделал своё дело. Рано утром он оставил позади тёмные строения форта. Несколько раз ему доводилось бывать в этом месте с торговыми отрядами Огглов, но теперь он впервые навестил пост как белый человек, как следопыт и охотник, каких в форте было множество. Правда, Бак не был уверен, что вполне мог называть себя белым...

Форт Ларами был шумным клочком мира Бледнолицых на земле индейцев. Множество людей сновало между кирпичными стенами домов. Здесь торговали, обманывали, пили, дрались, болели. Пахло ружейным маслом, навозом, спиртом. Вокруг поста на взрыхлённой копытами земле то и дело попадались брошенные переселенцами вещи, дырявая обувь, битая посуда, встречались и разорванные книги, которые солдаты с готовностью подбирали чтобы использовать бумагу для самокруток и для другой необходимости. Баку здорово не нравилось это место. Он пустил коня рысью, перескакивая через поломанные стулья и полупустые мешки с мусором. По воздуху тянулся запах созревшего белья. Подобных мест теперь встречалось много, но нигде не было столько мусора. Нередко можно было наткнуться на целые спальные гарнитуры, письменные столы и кресла-качалки, оставленные посреди прерии из-за того, что фургоны переселенцев были слишком перегружены. И всё же форт на берегу реки Ларами воплощал собой не богатство, а всю грязь белого человека.

Тёмное неподвижное тело привлекло внимание Эллисона. Он придержал коня. На земле лежал, зарывшись головой в старое тряпье и опилки, человек. Он был грязен и громко сопел. По запаху Бак понял, что человек здорово пьян. Бак спрыгнул на землю и наклонился над спящим. Это оказался индеец в грязной полосатой рубаше и совершенно сношенных ноговицах на тощих ногах. Один из тех, кого свободные Лакоты нарекли Болтающимися-Около-Форта. Их также называли Бездельниками. Эти опустившиеся краснокожие дикари приспособились существовать на подачках белых, исполняли частенько роли переводчиков и посыльных, кое-как изучив английскую речь. Лакоты презирали их, но всё же не гнали их от себя, когда Бездельники навещали племя... Бак встряхнул пьяного, но тот не отреагировал. Он оказался не способным в ту минуту вернуться в реальный мир. Он был мертвецки напившимся. Бак не разбирался в спиртном, но слышал, что поили индейцев не просто плохим виски, а какой-то специально намешанной бурдой. Он бросил вялое тело пьяницы на землю и вернулся к лошади.

¹ Форт Ларами был заложен в июне 1834 года двумя торговцами пушниной Вильямом Саблетом и Робертом Кэмпбелом. Они назвали фортом добротную бревенчатую хижину, которую отстроили посреди страны кочевников и назвали её именем Вильяма Саблета. Постепенно местечко превратилось в крупный торговый центр. В 1836 году форт Вильям был приобретён Американской Пушной Компанией, вскоре бревенчатые стены сменились кирпичными (в 1841 году); укрепление стало называться форт Джон. Но и это имя не прижилось, и как-то само собой крепость стали величать Ларами из-за протекавшей вблизи реки с этим названием. В июне 1849 года правительство Соединённых Штатов приобрело у пушной компании форт Ларами, превратив его в военный пост. (Здесь и далее прим. автора)

4

Бак развёл костёр и вскипятил кофе, неторопливо жуя пластинку вяленого мяса. Вот уже несколько дней он находился возле небольшого торгового пункта, окруженного частоколом. Поблизости стояло шесть индейских палаток, паслись лошади. За частоколом слышались весёлые голоса. Дикари, одетые в длинные рубашки из мягкой кожи, привезли на обмен охапки пушистых шкурок. На скрипучей коляске подкатила группа упитанных мужчин в помятых пиджаках и с сигарами в зубах.

Ночью за частоколом торгового поста долго и шумно что-то праздновали, слышался смех, пьяное повизгивание какой-то женщины, песни под скрипку и гармонь, топот танцующих ног. А возле одной из индейских палаток, монотонно стуча в бубен, голосили двое краснокожих. Красные отблески костра то и дело прорисовывали в темноте их носастые профили.

Утром Бак обратил внимание на молодого человека с очень аккуратным лицом, словно выточенным искусным мастером. Синие глаза смотрели на мир с повышенным вниманием и некоторым беспокойством. Он стоял с двумя индейцами Виннебаго и о чём-то договаривался. Похоже, юноша покупал лошадь.

Бак приблизился к нему, когда тот, закончив торговлю, уселся перед тлеющим костром и принялся с удовольствием жевать индейскую картошку².

– С кем имею честь? – спросил юноша и окинул Бака взглядом, полным небесной синевы. Эллисон представился.

– Меня зовут Чарли, – в свою очередь представился молодой человек. – Чарли Рейнолдс. Моё имя вам ничего не скажет...

Из-за частокола послышалось протяжное пение гармоники и треньканье банджо.

– Этой весной меня, как и многих других, потянуло в Пайнс-Пик за золотом, – рассказывал Чарли, отхлёбывая ароматный кофе и вкусно причмокивая. – Я решил оставить домашний уют и вкусить самостоятельности. Всё-таки восемнадцать лет уже набежало. Ты, наверное, представляешь, как сходят с ума из-за золота. Так вот и я тоже решил сделаться старателем. Но судьба, как говорится, сплясала другой танец. Партия, с которой я ехал, не добралась до цели.

– Индейцы?

– Да. Они атаковали обоз. Я оказался среди тех нескольких счастливых, кого смерть обошла стороной. Мне думается, что это везение должно стать добрым знаком всей моей жизни... В форте Кирни я сошёлся со старым траппером³ по имени Грин. Он живёт на острове. Одним словом, пожил я с ним недолго. Не по душе мне люди без совести. Возможно, в этом краю нельзя требовать, чтобы человек из леса был джентльменом, но я пока не привык ладить с такими... Однажды мы с Грином обнаружили на дереве привязанное тело умершей индеанки. Он не долго думая сбросил труп на землю, расчленил его и стал использовать куски в качестве приманки для волков. Чёрт возьми, на этом наше партнёрство прервалось. Я понимаю, что покойнику всё равно, но кормить им псов... Не в моём это вкусе. Грин считает иначе. Может быть, для пограничья это норма? Собственно, из дома я улизнул вовсе не в поисках романтики, я уверен, что таковой вообще нет. Писатели выводят романтическими красками зачастую самые отвратительные стороны жизни и делают из страшного события весьма привлекательную картинку. Разве я не прав, Бак? А тут мне показалось, что многие специально заставляют себя быть жестокосердными, чтобы очерстветь и не пугаться окружающего мира. Ведь

² Индейская картошка – так жители пограничья называли похожие на репу крупные корнеплоды, употреблявшиеся в сыром виде или варёном. Иногда их связывали в «косы» и высушивали.

³ Т р а п п е р (от английского слова *trap*) – человек, промышлявший пушниной и ловивший зверей капканами.

здесь нет полированных банкетных столов, с которых можно прихватить ломтик колбаски. Эта земля требует, чтобы человек был волком, чтобы мог одолеть волка, чтобы жить и выживать. Не знаю, сумею ли я стать таким. Мне кажется, что сумею, потому что здесь, несмотря на всю первобытную дикость, есть нечто затягивающее. Я сам себе удивляюсь: откуда во мне такое желание порвать с цивилизацией? Но Бог не простит мне, если я из человека сделаюсь зверем. Он никому не простит этого...

Чарли Рейнолдс происходил из уважаемой семьи, учился в Абингдонском колледже, но вдруг бросил всё и сбежал в дикий край, чем едва не свёл отца в могилу. Хорошее воспитание не помешало ему в кратчайшее время освоиться и вжиться в мир следопытов и охотников, словно он сам родился и вырос на равнинах.

Расставаясь с Эллисоном, он и не предполагал, что через шестнадцать лет судьба сведёт их вновь при совершенно иных обстоятельствах. Но до той встречи он пройдёт через гражданскую войну, помотается после её окончания по пыльным каньонам Канзаса и Колорадо, отстреливаясь от Шайенов, забредёт в Санта-Фе, где его охватит головокружительная любовь к мексиканской девушке. Ангел-хранитель проведёт его по просторам Небраски, не раз сохранит его скальп в стычках с дикарями, оставит невредимым после дуэли в форте Макферсон, тогда как стрелявшийся с ним офицер лишится руки. Наконец, Чарли Рейнолдс доберётся до Чёрных Холмов и до Сочной Травы, где тропа его оборвётся. Именно в долине реки Сочной Травы Бак Эллисон увидит его ещё раз...

Бак распрощался с юношей, однако сам промыкался возле торгового поста почти всю осень, подобно Болтающим-Около-Форту-Бездельникам. Он не знал, куда себя деть.

5

Зимой он ушёл поначалу на Белую Реку, где устроился в пустующей бревенчатой избе. Неподдалёку от задней стены он обнаружил маленький холмик с размокшей дощечкой, на которой с трудом угадывались остатки вырезанной эпитафии.

Баку был нужен запас жира на зиму, и он счёл себя самым удачливым человеком, наткнувшись на медвежью берлогу на второй день своего пребывания в избе, когда отправился на охоту. То, что берлога была обитаема, Бак понял с первого взгляда. Медведь забрался туда через узкий проход и прикрыл отверстие ветками и мхом. Осторожно приподняв ветви, он заглянул в берлогу. Изнутри сильно пахло зверем.

– Чудесно, – прошептал Эллисон и отступил на несколько шагов, чтобы сделать небольшой факел, с помощью которого намеревался выгнать медведя из его землянки.

Запалив факел, Бак приготовил винтовку, проверив наличие патрона в стволе, и шагнул к берлоге. Если бы у него был помощник, Бак чувствовал бы себя увереннее, но он был в полном одиночестве. Сердце учащённо билось. Он собрался с духом и бросил пылающий факел внутрь. Едва освободившись от горящей палки, Эллисон кинулся прочь от медвежьего жилища. Он успел сделать не более пятнадцати шагов, когда услышал злобное ворчание, а затем и рёв медведя. Убегать дальше было невозможно. Бак повернулся и поднял винтовку к плечу. В следующую минуту медведь выбрался из берлоги. Шерсть его оцетинилась, от правого бока валил дым. Отряхиваясь, огромный зверь остановился. Он не понимал, что произошло, и всё ещё находился в полусне.

Эллисон плавно потянул спусковой крючок, и медведь опрокинулся на бок, дрыгая лапами. Бак передёрнул затвор и, продолжая держать медведя на прицеле, приблизился к нему. Язык вывалился из пасти медведя, уши едва заметно шевелились. Но то были последние движения огромного зверя.

– Хороший выстрел, – похвалил себя Бак.

Он ловко свежевал тушу, отделил жир от мяса и внутренностей и наполнил им две большие кожаные сумки. С трудом передвигаясь по глубокому снегу, он вернулся к избе и приготовил лошадь, чтобы на ней перевезти медвежье мясо в дом. Небольшие куски он оставил в качестве приманки для волков и койотов, надеясь, что к утру в его капканы попадётся не один пушистый хищник.

Наслушавшись всевозможных историй золотоискателей, он решил попытать счастья в намывании золотого песка. Дело это, однако, оказалось совершенно для него незнакомым и неинтересным. Бак продержал лоток в руках не дольше двух дней, после чего раздражённо забросил его в дальний угол избы.

– Глупость какая! Куда приятнее бить зверей и продавать их шкуры.

Махнув рукой на профессию старателя, Бак Эллисон жил в своём доме ещё месяц, затем затосковал, собрал пожитки и перебрался в лагерь Лакотов, где его тепло встретили члены индейской семьи. Отцу и двум своим близким друзьям он привёз в подарок по длинноствольному ружью, а старейшине общины преподнёс широкий пояс с пристёгнутой кобурой и большим барабанным пистолетом. Множество гостей собиралась в типи⁴ Жёлтой Птицы послушать длинные повествования о жизни Далёкого Выстрела среди бледнолицего народа, и белые люди казались дикарям странными существами, которых Великий Дух лишил за какие-то провинности разума и смысла жизни. Сам Эллисон не решился бы в те дни сказать, что за чувства поселились в нём после недолгой жизни рядом с Бледнолицыми. Чувств было много, и разо-

⁴ *Т и п и* – в переводе с лакотского диалекта означает «дом», «кров». В разговорной речи так обычно назывались все палатки кочевых племён.

браться в них сразу не получилось. Его постоянно беспокоили хмурые сновидения, в которых он бродил из одной палатки в другую, то и дело натыкался внутри на бревенчатые стены, которых никак не могло быть в индейском жилище, а сквозь сложенные брёвна протискивались сверкающие стволы винтовок и стреляли Баку в лицо. Привыкший, как все индейцы, видеть в каждом сне важные знаки, Бак решил, что отныне дорога беспрестанно станет приводить его в мир белых людей, и мир тот не сулил ему ничего доброго...

По чужим следам (1861)

1

В марте, который Лакоты называли Месяцем-Снежной-Слепоты, Бак Далёкий Выстрел повстречал партию странных пришельцев, которые искали в земле какую-то руду. Они устраивали базы, строили нехитрое жильё, ставили какие-то ориентиры в лесу, что-то постоянно записывали и чертили в толстых тетрадах. Они предложили Баку заниматься заготовкой провизии для их геологической экспедиции. Это было для него обычным делом, заниматься которым приходилось в любом случае. Поэтому Бак принял предложение. Геологи оказались людьми весьма спокойными и в большинстве своём добродушными. Они с интересом расспрашивали его об индейских племенах, любопытствовали, шутили, возмущались.

– Но как же так? Ты утверждаешь, что твои краснокожие друзья это хорошие и честные люди. Откуда же тогда жестокость? Откуда отрезанные ноги и головы?

– Такова война, – отвечал Бак, посасывая трубку, – Лакоты часто вспоминают, что белые люди пришли в этот край нищими. Красный человек поверил белому, накормил, не убил. Однако поселенцы обманули. Они твердили о Христе, о мире, о любви, но в душе таили совсем иное. Они стали теснить здешние племена, а кто же согласится с тем, чтобы его гнали с собственной земли? Тогда белые стали покупать землю. Но индеец не понимает, что такое покупка. В его голове не укладывается, что землю можно продавать. Земля – это мать, из которой и на которой произрастает абсолютно всё.

– А мне кажется, что твои индейцы очень похожи на животных по своей сути. Они, разумеется, люди, но душа у них от животных.

– Животные для индейца – родня, соплеменники, братья.

– Волк и олень не братья друг другу, – злобно возразил рыжий парень, – как же вы можете брататься со всем зверьём?

– У нас общий дух...

– Вот я и говорю, что вы – животные, – проворчал тот же хмурый голос.

Как-то во время очередного перехода на место новой стоянки геологи совершенно выбились из сил. Многие из них не раз уже выказывали своё неудовольствие, не слишком привыкшие к кочевой жизни, а в этот раз усталость сделала их особенно раздражительными.

– Сделаем остановку здесь же, – решил начальник партии.

– Здесь невозможно, – возразил Бак.

– Что нам мешает? – резко воскликнул кто-то из-за спины Эллисона.

– Тут слишком открытое место. Посмотрите сюда. Видите примятую траву? Тут совсем недавно проходили лошади, это может быть военный отряд.

– Я дальше не пойду, ни шагу не сделаю! – веско сказал кто-то. – Если ты, Бак, утверждаешь, что знаешь краснокожих, то как-нибудь сумеешь столкнуться с ними. Разъяснишь им, что мы не мерзавцы какие-нибудь, а мирные граждане.

Бак пожал плечами. Белые люди не переставали удивлять его своей беспечностью.

В следующую секунду раздался выстрел. Бак резко обернулся на звук и увидел в руках одного из спутников поднятое ружьё.

– Зачем? – крикнул Эллисон.

– Там стояла антилопа, – послышался ответ.

Эти люди привыкли поступать безрассудно. Они бросались за первой попавшейся дичью при каждом удобном случае. Они частенько загоняли своих лошадей и мулов, забывая о том, что лошадям в прерии всегда нужно было сохранять силу на случай непредвиденной скачки.

– Вы не умеете смотреть вперёд, – хмуро сказал Бак.

– Думать о безопасности должен ты, Эллисон, на то мы тебя и наняли, – ответил ему рыжий парень. – У нас полно своих забот.

– Глупо отделять одну заботу от другой. Мир хоть и состоит из отдельных тропинок, но все они спутаны, как нити, в единый клубок, – покачал Эллисон головой.

На следующий день он возвратился с охоты и обнаружил всю геологическую партию перебитой. Похоже было по следам, что на них напали индейцы из племени Черноногих. Бак не ощутил ни малейшего расстройтва, глядя на окровавленные тела белых людей. Он знал, что они были чужеземцами, копались в земле, выискивая что-то такое, что могло привлечь других белых. Они были беззлобными, не проповедовали насилия, но даже своим безобидным образом жизни они сеяли в девственном краю беспокойство. Новый пришелец означал ещё один бревенчатый дом, заборы...

2

В августе Бак появился в Ливенворсе и услышал, что между американцами завязалась страшная драка. Южные штаты подняли мятеж против Севера.

– Мистер Линкольн решил выпустить черномазых на волю, чтобы они без разрешения прыгали с дерева на дерево, – втолковывал Баку осунувшийся солдат, вероятно, улучивший свободную минутку или драпанувший самовольно из казарм в город, чтобы отвести душу за стаканчиком. – Вот мы и отдуваемся за него, головы под пули подставляем.

Бак отошёл от стойки и устроился за столом в углу помещения. Салун гудел, источая наваристый запах спирта, табака и бульона. Над поверхностью грязных столов сновали мухи. Громко дзынькали стаканы, скрипели стулья, кто-то перебирал пальцами по клавишам пианино, насвистывая при этом.

Неожиданно за центральным столом, где перешёптывалась толпа зрителей возле игравших в карты и густо клубился сигарный дым под свисавшей лампой, голоса раздражённо повысились. Отодвинув стул, поднялся прилизанный мужчина.

– Я тебя удавлю, будь я трижды проклят! – рявкнул другой человек, следом вставший из-за стола, схватил первого за плечи и бросил на пол. – Хейг, я от тебя и костей не оставлю!

Посетители загалдели. Задвигались стулья. Хейг поднялся с пола, качнулся, выпрямился. Он потирал ушибленное плечо и щурился на противника. Тот, правильно сложенный, длинноволосый, с двумя револьверами на поясе, стоял перед ним на широко расставленных ногах и что-то тихо говорил. Пару раз он продвинулся к Хейгу на полшага. Кто-то схватил его за руку, но он отряхнул чужие пальцы и опять свалил Хейга ударом кулака.

– Это Джеймс Батлер Хикок, – шепнул на ухо владетель заведения, видя любопытство на лице Бака, – его называют Диким Биллом. Судили за жестокое убийство целой семьи, но почему-то он остался невредим. Возможно, врут. Может, не судили. Теперь он служит в форте Ливенворс главным погонщиком и разведчиком.

Дикий Билл перешагнул через рухнувшего картёжника и в дверях салуна задержался.

– Часы ты у меня не выиграл. Ты шулер, поэтому я хочу получить часы обратно, – сказал он.

– Нет! – Хейг сплюнул на пол и покачал головой, не то подчёркивая свой отказ, не то приводя себя в чувство после удара.

– В девять я должен быть в штабе, – продолжал Билл, – поэтому часы мне нужны к восьми.

– В это время мне самому потребуются часы, – откашлялся Хейг – У меня свидание, мне нельзя опаздывать.

В салуне затаили дыхание. Никто не шевелился, никто не позволил себе скрипнуть половицей под ногой. Тишина напряжённо вздувалась.

– Я буду ждать тебя на улице. – Билл повернулся и вышел. Громыкнули его сапоги по лестнице, и салун загудел. Взрыв голосов, советующих и сочувствующих, охватил картёжника. Бак прошёл сквозь толпу и посмотрел через непротёртое стекло на улицу. Билл Хикок сидел на ступеньках магазина на противоположной стороне улицы. Бак видел на его лице маску подчёркнутого равнодушия.

– Хейг, я видел, как Хикок стреляет, не связывайся! – крикнул кто-то.

– А мне плевать! Почему меня должны называть трусом?

– Потому, что лучше называться трусом и быть живым, чем лежать без признаков жизни в деревянном ящике.

Хейг отмахнулся и вышел на веранду.

– Разве уже время? – поднялся Билл и шагнул вперёд. – Почему ты торопишься, Хейг? Жизнь не следует понукать. Ты умеешь передёргивать карты лишь за столом, приятель, но сейчас ты поймешь, что не везде получается быть шулером.

– Пошёл ты... – Хейг заговорил невнятно, будто простуженным голосом заурчал бродяжный пёс. В руке его тускло мерцал револьвер. Он поднял его и выстрелил. Пуля звонко разбила стекло на другой стороне улицы. Билл остался неподвижен, но правая рука его, словно самостоятельное существо, сделала едва уловимое движение, и сию же секунду клубы пороха окутали его фигуру. Хейг упал на спину, не меняя позы. Его голова тяжело стукнула о порог салуна и замерла. Во лбу несчастного все увидели дырку от пули.

– Кто-нибудь ещё желает последовать за ним? – донёсся голос Билла из вечерней мглы.

Бак не спускал с него глаз. Он был восхищён. Возвращённый воинственным народом, который умел ценить храбрость и ловкость, он сразу уловил характер Дикого Билла. Он внутренне аплодировал Хикоку, поражённый его элегантным умением убивать. Совершенно ясно, что Билл рисовался. Ему было лет двадцать пять, впрочем, Бак мог ошибиться на пару лет. Но Дикий Билл оказался куда большим игроком, чем самый заядлый картёжник. И он играл не на деньги. Ставкой была его собственная жизнь. Билл играл в своё удовольствие, смакуя каждое движение, каждый поворот головы. Он был молод и уверен в себе. Он смущал противника уверенностью в глазах, выступая, как актёр на подмостках, будто в действительности ему ничто не угрожало. И Эллисон понимал это. Так же выказывали свою храбрость Лакоты, скача неторопливо перед цепью противника, выставляя себя во весь рост, чтобы доказать свою храбрость и неуязвимость... Дикий Билл совершал показательное действие, а не убийство на арене цирка. Он, казалось, не думал о дуэли. Бак отступил от окна, раздвинув плечом пару неподвижных франтов, и пробрался к двери. Хейг лежал, неподвижно уставившись в перекладину на потолке, и в левый глаз ему стекала из дырки во лбу кровь. Эллисон невольно подумал, что картёжнику повезло, потому что смерть настигла его мгновенно, ведь в прерии смерть была обычно мучительной. Глаз покойника таинственно заполнялся красной мутью. В левой руке мертвеца лежали часы, из-за которых, похоже, разгорелась ссора. Бак нагнулся, забрал часы и спустился бесшумно по ступеням. Он протянул часы Биллу.

– Благодарю, – слегка наклонил голову Дикий Билл, подражая манерам светского человека, но на лице его Эллисон прочёл не благодарность, а досаду. Тень досады, лёгкий налёт пыли, портивший блеск идеальной шлифовки. Действие закончилось, но Билл не получил должных аплодисментов. На сцене появился кто-то ещё.

Ливенворс несколько дней ещё говорил об этой дуэли. Смерть привычна на пограничье, поэтому обычно обсуждали не саму смерть, а виртуозность убийства. Это было единственное, чем могла привлечь к себе чья-то кончина. Дуэли случались часто, головорезы встречались на каждом шагу, таковы были нравы. Смерть была более привычной, чем появление новой женщины в городе. В фортах солдаты зачастую вываливали толпой из барачков и вонючих сараев, когда слышали, что в поселение прикатил очередной обоз, чтобы увидеть живую новую женщину. Жизнь в районах пограничья знала не так много удовольствий, и это накладывало отпечаток на каждого. Мало кто мог похвастать благородством или иными добродетелями, чаще напоказ выставлялись суровость и грубость, потому что такие качества обеспечивали большую безопасность, нежели любовь и ласка. Все соглашались, что убийства были неотъемлемой частью того времени, хотя далеко не все считали это нормальным явлением.

Хейга никто не оплакивал. У могилы, окружённой пыльным жёлтым вихрем, сняли шляпы лишь трое его закадычных друзей.

Когда Бак, проезжая мимо, задержался и высказал стоявшему вблизи сухому старичку своё удивление, что за такое убийство никому ничто не угрожает, он услышал в ответ:

– Каждый вправе защищать свою шкуру, сынок. Этот Хейг ведь с пушкой в руках помер, да ещё успел первым спустить крючок. Вся правда на стороне Дикого Билла. Закон прост: коли

ты уверен в себе, так дай себя оскорбить, дай в себя плюнуть, дай в себя выстрелить, но успеешь шарахнуть из своего револьвера в ответ, пока пуля противника ещё не долетела до тебя. Дай ему быть первым в движении. И тогда никакой судья не сможет угрожать тебе верёвкой.

Старичок раскашлялся и сплюнул густую слюну.

Закон того времени был прост. Если ты боялся, то тебе не следовало поднимать голову. Тебе оставалось лишь потупить глаза, когда тебе наступали на ногу и плевали в лицо. Над тобой грубо посмеялись бы, но ты остался бы жить. Однако если ты хватал за локоть обидчика и требовал удовлетворения, будь то на кулаках или пистолетах, ты должен был знать, что никто не пощадит тебя, окажись ты слабее. Тебя забили бы до смерти, раскрошили бы все кости, разорвали бы внутренности, потому что на твой оскал ответили бы беспощадные звери своим чувством жестокости. И никто бы не спас. Никто не вступился бы, потому что всем известны беспощадные законы пограничья. Если такие законы тебе не по вкусу, тебе следовало просто сойти с тропы и притаиться, потому что других правил Дальний Запад не знал.

3

В форте Ливенворс шумно маршировали солдаты, утаптывая пыльными башмаками и без того плотную сухую землю. Щёлкали по команде затворы винтовок, синие шеренги внезапно ошетинились штыками, словно дикобраз иглами, и так же быстро винтовки дружно опускались с плеча к ноге, пряча голубые лезвия между рядами людей.

– Если мне не изменяет память, мы встречались, – раздалось за плечом Бака Эллисона, едва он спрыгнул с коня. Он обернулся и увидел Дикого Билла Хиккока.

– Привет.

– Похоже, ты из скаутов, – сказал Билл, окинув взглядом одежду Эллисона.

– Нет, но подыскиваю работу в этом духе.

– Сейчас идёт большой набор, приятель, армия нуждается в толковых разведчиках. Не советую упускать такой случай, – сказал Хикок, потягиваясь по-кошачьи, – особенно, когда глаза сидят на нужном месте и знают своё дело. Ты ведь читаешь следы?

Форт гудел, тут и там всхрапывали лошади, раздавались отрывистые команды. Повсюду шумели скрипящие повозки, дружно щёлкали затворы винтовок, шаркали подошвы пыльных башмаков. То и дело слышалась отборная брань, смачные плевки, звонкие оплеухи.

– На днях в Канзас уходит большой военный обоз, – Билл Хикок расправил плечи и оглянулся на скопление крытых фургонов, – могу отвести тебя к начальнику гарнизона. Увидев тебя возле салуна, я сразу смекнул, что ты не из трусливых. Держу пари, что смерть Хейга произвела на тебя не большее впечатление, чем смерть курицы. Ведь ты привыкший к виду крови? Кстати, спасибо за часы. Только не стоило. Это был лишь повод... Не знаю твоего имени...

– Бак Эллисон, – представился Бак, – Лакоты называют меня Далёким Выстрелом.

– Зря ты поднял часы. Ведь я мог тебя ухлопать. Откуда мне знать, что это не была уловка со стороны его дружков? У меня в последнее время нервы расшатались. Едва выпутался из одной истории... Так ты жил с краснокожими?

– Да.

– Долгая история?

– Десять лет.

– А старики твои? – Билл посмотрел на Бака очень внимательно.

– Вся семья убита. Лакоты вырезали весь обоз. Тогда я к ним и попал.

– Должно быть, в душе всё перепутано. Ненавидишь краснокожих?

– Почему? – Бак возился с седлом. – Я врос в эту жизнь.

– Ладно... Вон офицер идёт. Это мой отличный друг. Джордж Кастер. Пойдём представлю тебя, – Дикый Билл перехватил желтоволосого офицера в белоснежных перчатках. – Сэр, мне бы хотелось представить вам моего хорошего друга Бака. Сю⁵ называют его Далёким Выстрелом. Он жил в прериях десять лет.

– Хочешь служить? – улыбнулся офицер Баку.

– Он замечательный следопыт, – сказал Билл с такой уверенностью, словно знал Эллисона с детства.

– Могу взять к себе. Сегодня толковые люди особенно нужны. Умение выживать на войне сейчас превыше всего, а следопыты знают в этом толк. – Кастер оглядел Бака, в глазах его появилось удовлетворение.

За его спиной прокатилась шумная вереница фургонов. Медью пропела труба, созывая кавалеристов. Отовсюду побежали люди, придерживая руками сабли и шляпы. Некоторые уже

⁵ С ю (Sioux) – так белые люди называли всех Дакотов, степных и лесных.

сидели в сёдлах, покрикивая задорно на своих однополчан и делая непонятные посторонним жесты руками.

– Прошу простить, джентльмены, – Кастер бегло козырнул, не слушая ответа Эллисона, – мы договорим позже.

– Красивый человек, – сказал Бак вслед ладной фигуре Кастера.

– Он быстро станет генералом, – заявил Дикий Билл, сплёвывая табак, – он полон такой уверенности в себе, какой я никогда не встречал в жизни. Почти безрассудная доблесть...

– Неужели кто-нибудь может быть более уверен в себе, чем ты? – засмеялся Бак.

– Принимаю этот комплимент, но Кастер, на мой взгляд, ещё более холоден головой, а сердце у него бурлит. Он родился солдатом. Он не поддаётся никаким переубеждениям, когда приходит к решению. Мне иногда кажется, что он однажды свихнется на своём героизме.

– Ты думаешь, от этого можно тронуться умом? – Бак опустил на корточках.

– У всего человеческого есть предел. Когда люди перешагивают через границу чувств, они падают в бездну. Я испытал такое на себе какой-нибудь год назад, когда попал в переделку на одной станции. Мне кажется, что я смотрел на всё со стороны, с какой-то высоты, когда стрелял в тех людей... А в глазах и в голове черно... Макэнлес заблевал мне кровью мои башмаки... Блевал и кричал при этом своему сыну, чтобы тот убегал прочь. Знаешь, так во сне случается иногда: пусто, а затем возникает что-то из пустоты, выныривает в самые глаза. Чужая смерть проникла в меня в тот день, мне стало больно и страшно. Я переступил одной ногой через эту самую грань допустимого. А ведь до того я не раз стрелял в людей...

Билл опустил на землю и задел локтем Бака. Правильные черты его молодого лица осунулись, и Бак увидел возле себя старика. Но через мгновение Билл принял свой прежний образ.

– Мне кажется, что мы с ним как бы одно целое. Один человек. Будто этого человека расщепили при рождении, и стало две половинки. Не случайно мы встретились... У меня три брата и две сестры, но я не чувствую их так, как его. Словно их нет. А вот Кастер есть. Похоже, я влюбился в него. – Билл странно улыбнулся и добавил: – Мы умрём вместе... Я стал бояться за него, как только познакомился с ним. И сразу ощутил страх за свою собственную жизнь.

Бак сложил ладони и хрустнул пальцами.

– Ну так что насчёт скаутов? – возвратился Билл к началу разговора. – Рискнёшь пойти в разведчики? Станем вместе рыскать по степи.

– Нет. Не сейчас, – их взгляды встретились. – Пока я не желаю иметь ничего общего с солдатами.

– А ведь придётся. Ты белый человек, Бак Эллисон, и ты вернулся к белым. Ты можешь симпатизировать краснокожим, сколько угодно, но ты белый человек. Никогда тебе не отмахнуться от этого факта. Ты пришёл в форт за работой, а что тебе могут предложить, зная твои способности? Я прекрасно изучил собственный народ. Он хитёр и жесток. Ему нет дела до чужих страданий, зато он здорово умеет заботиться о собственной выгоде. Краснокожие устроены иначе, клянусь собственными глазами. Я кое-что представляю. Есть у меня скво⁶. Она полукровка из племени Шоуни, при крещении получила имя Мэри Оуэн. Она характерный представитель тех и других. У неё сильный характер, однако он не помогает ей, потому что она не может выбрать правильную для себя дорогу. Она не сумела полностью стать белой, но не смогла также остаться индеанкой... Я давно не видел её, может, она уже умерла... или тронулась в уме. То же случится и с тобой, если ты не решишься. Ты белокожий, хоть и крепко потемнел на солнце.

⁶ Скво – слово заимствовано из алгонкинского языка и традиционно употреблялось по отношению к женщинам со времён основания Новой Англии.

– Но вырос я не в деревянном доме. И вокруг меня много лет ходили одни Лакоты. Я слышал их песни. Я скакал по тропе рядом с ними.

– Это всего лишь время. Оно решает свои задачи. Оно беспощадно. Оно строит и ломает. Подумай хорошенько. Надо делать выбор. Я свой сделал. Время твоих примитивных дикарей прошло. А от цивилизации никому не скрыться. Если ты уйдешь к индейцам, Бак, то эта громадина, – Билл кивнул на выстроившихся солдат, – сомнёт тебя вместе с твоими краснокожими. Человек гораздо сильнее животных, а индейцы – те же звери, разве что объясняются на человеческом языке. Поверь мне. Цивилизованный человек, как бы его ни воротило от этой мысли, должен растоптать туземцев, иначе как он сумеет продвинуться в глубь страны, как сумеет построить города, если путь ему преграждают топоры и стрелы? Решайся, Бак Эллисон...

4

Хосе Луис происходил из крестьянской семьи северной Мексики. Случилось однажды, что его мать – тогда ещё полногрудая девушка с привлекательным лицом – попала на глаза изголодавшемуся по женщинам американскому солдату. В результате скоротечной любовной схватки на песчаном берегу прозрачного ручья была заложена жизнь Хосе. Правда, отец его тут же поплатился жизнью, погибнув под ударом острого мачете в руках родителя изнасилованной красавицы. Несчастный солдат не успел даже вскрикнуть, как кровь его залила обнажённое тело юной мексиканки. Пролитая кровь отца кипела в Хосе неуёмной страстью вампира. Он жаждал убивать, сам не понимая причины. Страсть к убийствам просыпалась в нём постепенно и привела его в армию, где он получил винтовку и с ней вместе возможность безнаказанно стрелять в людей. Особенное удовлетворение он находил в отстреле индейцев. Он хотел быть полнокровным американцем, но мексиканская порода мешала ему. Индейцев же он поставил на ступень ниже себя, превратив их в животных, и это позволило ему ощутить себя человеком.

Однажды он отсёк кусок мяса от ягодицы застреленного индейца и запихнул его в рот. Это не доставило ему удовольствия или удовлетворения, но ему показалось, что он сумел добраться до вершины ненависти к дикарям.

– Их можно пожирать так же спокойно, как оленя или буйвола, – заявил он.

С тех пор он просто помешался на дикарях. Они мерещились ему повсюду. Он видел их лица за каждым валуном, за всяким стволом дерева и даже за дощатыми углами казармы. Он ждал встречи с ними с нетерпением обезумевшего любовника, карауля их подолгу за стенами укрепления и отстреливая их, как страшных ядовитых змей.

Бак Эллисон увидел его случайно в полумиле от форта, когда Хосе сидел верхом на трупе голого индейца и неторопливо (со вкусом и со знанием дела) рассекал тело мертвеца. Было в нём что-то от довольного повара, который умело разрезал сочный пирог на равные доли. Синяя форма Хосе пропиталась кровью и стала чёрной. Жужжали мухи. Солдат был настолько увлечен своим занятием, что не услышал подошедшего к нему со спины Эллисона. Следопыт беззвучно извлёк широкий охотничий нож и с силой воткнул голубую сталь в жилистую шею мексиканца. Тот упал на растерзанное тело индейца без единого звука. Он умер, как его отец, не успев осознать собственную смерть.

Бак дважды сунул нож в мягкую землю, очищая сталь от крови...

Армейская жизнь не обещала никаких развлечений, поэтому охота превратилась в излюбленное занятие служивых. Особенное удовольствие солдаты получали от стрельбы по «краснокожим бестиям», из-за которых они были вынуждены прозябать в глуши. Они приравнивали индейцев к обыкновенным животным, но не без причины считали их мишенью более сложной, нежели олень или лось, поэтому записи о подстреленных индейцах выделялись особенно.

Сидя у тлеющих углей рядом со старым траппером, Бак рассказал об убитом мексиканце. Старик, увидев на лице Эллисона удивление и гнев, хмыкнул и покрутил тёмными пальцами пышные седые усы.

– Ты вырос в племени, друг, и для тебя здешняя жизнь привычна. Чтобы тебя не загрыз волк, нужно научиться лакать с ним из одной лужи, и для тебя это норма. Тебе привычно держать ухо востро. А им, – траппер кивнул в сторону солдат, – всё здесь чуждо и ненавистно. Они останутся чужими этой земле, навсегда чужими, как бы ласково ни светило солнце. Они ненавидят этот мир, потому что он слишком жесток, на их взгляд. Они боятся такой жизни и хотят уничтожить её любым способом, пусть даже сами при этом превращаются в животных. – Траппер замолчал и неторопливо сделал себе самокрутку. Огонь красными отсветами

шевелился на его морщинистых щеках. Казалось, невидимые человеческому глазу призраки танцевали на его лице, оставляя светящиеся следы на морщинистой коже старика. – Ты же слышал не раз, что индейцев называют животными. Оно, конечно, недалеко от истины. Краснокожие – разумные звери. Но и городской народ, эти проспиртованные толстобрюхи, всякие там клерки, полицейские и прочие разные – тоже звери. Только они, на мой взгляд, худшие из зверей, они – заболевшие животные, обезумевшие животные. Что тут поделать? Так, видно, задумана эта жизнь. Мы, живя в лесах и горах, разговариваем с Землёй на понятном друг другу языке. Они же, городские твари, не знают этого языка. Они глухи к голосам листвы, травы и воды, бегущей в ручьях. Городская болезнь сделала их глухими и слепыми. Что можно требовать от них?

5

– Мы занимаемся пустым делом. Особенно, когда страна трясётся в военной лихорадке. Американцы бьют американцев. Да это просто смешно. – Капитан тяжёлыми шагами передвигался из угла в угол и возмущённо пускал дым. За окном мелькали тени гарцюющих всадников. – Войну на континенте можно было оправдать лишь в те годы, когда Франция и Англия воевали друг против друга. Выбирался хозяин этой земли.

– А революция? Освобождение от короны разве не требовало крови? – Лейтенант, шевельнув лёгкими усиками, откинулся за столом и небрежно плеснул виски на доньшко стакана. Желтоватая жидкость накрыла зазевавшуюся в стакане муху.

– Согласен с вами, полностью согласен. Но теперь воевать глупо, – капитан взмахнул рукой, и пепел с сигары слетел на пол. – Это всё равно как если левая рука отрывала бы правую. Зачем? Единая страна, единые интересы. Это причуды высшей власти...

– Успокойтесь, капитан, – засмеялся лейтенант добродушно, – мы с вами не принимаем участия в гражданской войне. Мы торчим тут и слушаем ночные завывания волков.

– И караулим краснокожих.

– Нельзя принимать их всерьёз, капитан.

– Почему? Индейцы всегда окружали тех, кто приходил в эту страну. Они были неотъемлемой частью здешней природы. Они звери. Они деревья. Они люди. Если их не станет, Америка изменит свой облик до неузнаваемости. Она перестанет быть той Америкой, которую мы стараемся покорить. Она превратится в огромный склад золота, меди и прочей дряни, на которую, между прочим, нам с вами наплевать. Мы умеем жить так, как живём сейчас. На самом деле нам не нужна другая жизнь. вспомните Кортеса и Мексику. Когда этот конкистадор забрёл туда, Мексика брызгала золотом и кровью. Испанцы растоптали Ацтеков и Майя, и у Мексики стало лицо современного мексиканца в соломенном сомбреро. Исчезли широкие гладкие улицы, пропали великолепные дворцы, с которыми не мог сравниться ни один самый пышный королевский замок Европы. Разве это та страна, которой хотели владеть испанцы?

– Похоже, вы симпатизируете краснокожим...

– Ошибаетесь. Просто я хотел бы видеть окружающий меня мир таким, какой он есть, а не перекроенным по усмотрению политиков. Увы...

Хлопнула дверь, и в комнату вошёл Бак Эллисон. На лице его угадывалось заметное раздражение.

– Ставлю бутылку, если ты опять не с жалобой на солдат, Эллисон, – обернулся капитан и достал изо рта сигару, поправляя обслонявленным кончиком сигары свои усы.

– Чёрт возьми, вы правы, сэр, – кивнул Эллисон.

Капитан усадил следопыта на стул возле лейтенанта, а сам продолжал рассказывать по комнате.

– Помогите нам скоротать время, Бак, – сказал капитан. – Мы затеяли разговор, который вполне имеет отношение к твоему недовольству... Ты ведь по поводу самовольной охоты солдат?

– Именно, капитан. Это моя работа, и я не люблю, чтобы в мои дела совали чужой нос.

– Успокойся, никто не отнимет у тебя твой хлеб. Солдаты занимаются охотой из желания развлечься. Согласись, что здесь можно загнуться от тоски. Многие пьют, просаживают деньги в карты. Мне это совершенно не нужно. Здесь армия, а не пансионат. Пусть уж они развлекаются охотой, чем раскидают в торговой лавке со стаканом в руках. Да и руку натренируют.

– Сэр, палить из ружей для удовольствия – дурная забава. Вам не видно, как реагируют на бессмысленные отстрелы дичи индейцы в лесу. Но вы можете понаблюдать за скаутами

в форте. Поуни и Псалоки, да и белые трапперы прекрасно знают, чем заканчиваются подобные развлечения.

– Эллисон, я попробую объяснить тебе кое-что, – остановился напротив Бака капитан. – Я солдат по доброй воле. Никогда меня не принуждали силой надеть мундир. Я солдат и выполняю свой долг. Я старше тебя и крови повидал не меньше твоего, клянусь честью. Я научился смотреть правде в глаза. Уметь отворачиваться от действительности и обманывать себя – проще и выгоднее во многих отношениях. Я не всегда умел раньше принимать твёрдые решения, и именно это побудило меня в своё время пойти на военную службу. Здесь я выполняю приказы, я не должен возлагать ответственность на себя. Это вовсе не означает, что мне по вкусу всё, что задумывает правительство. Поверь, я считаю, что кровопускание для Америки – позорное дело. Но я также понимаю, что наша общая обязанность – склониться перед неизбежным. Не криви презрительно лицо. Не так это просто. Ты вот не сможешь отдать себя добровольно в руки истории, чёрт возьми. Ты предпочитаешь смерть минимальной зависимости от кого-либо. Но время таких людей подходит к концу. Ты и тебе подобные погибнете в бесплодной борьбе за мифическую свободу. Так погибали все, кто жил в стороне от эволюции общества и от прогресса. Вам только кажется, что вы можете прожить без цивилизации... Я солдат, я отдаю себе отчет, что занимаюсь грязной работой, что история когда-нибудь осудит меня и моих товарищей за пролитую здесь кровь. Но я готовлю землю для будущей жизни. У меня есть жена, но я никогда не позволю ей приехать сюда из Вашингтона с детьми, зная, как она воспримет мою хищную жизнь здесь. Я не сомневаюсь, что нельзя убивать детей и женщин, но я вынужден делать так, чтобы мужчины, опасаясь за жизнь своих семей, уводили племена прочь. Они должны остерегаться нас. Возможно, мы перестали быть джентльменами в этой стране, но ведь тут ласковыми словами не обойтись... Такова официальная политика, и я добровольно стал её служителем. Лично я не испытываю неприязни к индейцам, будь то дикие Сю или дружественные Вороны. Мне всё равно. Это лишь доисторические люди. Они понимают, когда подкармливаешь их, они понимают, когда хлещешь их. Я пользуюсь тем и другим. Да, мои люди убивают дичь без нужды. Но я должен лишить дикарей возможности жить, как они жили раньше. Краснокожие должны приобщиться к цивилизации, чтобы она не стерла их с лица земли. Но они не желают входить в мир белого человека... Остаётся лишь убивать их. Другого выбора нет... Попробуй осознать, что я сказал тебе, Бак. Мне было бы жаль видеть тебя сломленным. С историей надо смириться. Мы всего лишь маленькие фигурки, которые переставляет властная рука. И это даже не рука президента, не рука всей страны, не рука истории. Это рука Бога. Нет смысла противиться ей, мой славный друг.

6

Туман рассеялся. Трава под ногами лошадей вздрагивала и рассыпала серебристую росу. Фургон гроыхал по выпуклым корням деревьев на тропе и давил тяжёлыми колёсами хрупкие камешки.

– Остановитесь, сержант. – Бак осадил коня.

– Что такое? – Рябое лицо сощурилось и сдвинуло рыжие брови.

– Кто-то едет. – Бак опустился на землю и взял карабин. Впереди показались всадники, беззвучно проявившись в голубой дымке мутными силуэтами. Три сопровождавших солдата вскинули винтовки. Возница и охотник в фургоне тоже подняли ружья. Приближались индейцы. Многие из них были с перьями на головах. Лица густо раскрашены.

– Псалоки⁷, – сказал Бак.

– Стало быть, стрельба отменяется, – расслабился сержант.

– Погодите. Что-то в них странное. Нервничают... – Бак погладил своего коня по морде, успокаивая. – На всякий случай держите палец на спусковом крючке. Сдаётся мне, что нам всё-таки придётся пустить пару-тройку свинцовых приветствий для сохранения наших волос.

Пятнадцать всадников остановились в полусотне метров от фургона, они вертелись на месте, размахивая луками, сбивались в кучу и снова разъезжались. Вперёд выехал индеец на пегой низенькой кобыле. Над висками были подняты характерные для Вороньего Племена пучки волос с раскрашенным пухом, волосы на лбу и макушке были ровно пострижены и зачёсаны ёжиком. Индеец подскакал вплотную и заговорил на плохом английском языке, поясняя речь жестами.

– Мы из Вороньего Племена. Белый брат знает мой народ. Я известен под именем Половина Волка. Мы – друзья. Большие Ножи верят друзьям. Мы верим вам. Нужен правдивый язык. Половина Волка говорит, что сегодня у нас на сердце тяжело. Храбрые ходили против Лакотов. Мой сын и пять других молодых погибли. Лакоты сильны. Наши сердца плохие сейчас. Нужен бой. Мы хотим биться, чтобы наполнить себя радостью победы. Вы первые на пути. Мы будем драться с вами.

Индеец замолчал, тут же развернул кобылу и помчался к своему отряду. Послышались гортанные выкрики. Бак торопливо отогнал своего коня к фургону.

– Вы поняли? – успел спросить он.

– Но это бред! – возмутился сержант, держа приклад у плеча. – Почему мы должны сражаться с ними, если они не поладили с Сю?

– Сержант, сейчас не время для разговоров.

Над отрядом Абсароков взвились два пороховых облачка, прокатилось глухое эхо. Индейцы выпустили несколько стрел и рассыпались, направляясь зигзагами к фургону. Солдаты дали залп, и дикари прытко развернулись и погнали своих лошадок в обратную сторону. Отъехав на безопасное расстояние, они продолжали улюлюкать и размахивать над головами луками и копьями. Их стрелы не долетали и падали в траву. Ещё пару раз донеслись выстрелы их старинных, может быть, даже кремнёвых ружей.

– У них нет винтовок, только две эти штуки на всю банду! – крикнул охотник с длинноствольным «буйволиным» ружьём. Он прицелился и спустил курок. Половина Волка упал с гривастой кобылки лицом в мокрую траву. Несколько воинов помчались к нему, свесившись с лошадей.

⁷ Племя Абсарока. Эллисон употребляет название, которое применяли Лакоты по отношению к Абсарокам. Эти индейцы больше известны как Воронье Племя. В период колонизации Воронье Племя, будучи не очень многочисленным и соседствуя с могущественным враждебным союзом дакотских племён, предпочло стать союзником белых людей и почти всегда проявляло дружелюбие к белым поселенцам.

– Сержант, – Бак дёрнул синий рукав с нашивками, – давайте налетим на них.

– Их пятнадцать человек.

– А нас семеро, – ответил Бак и вспрыгнул в седло, – но они потеряли жоака. Они не захотят сражаться серьёзно, сержант, у них сегодня не тот дух. Если мы уложим ещё пару этих крикунов, остальные не станут задерживаться поблизости. Решайтесь.

Сержант кликнул людей и взмахнул рукой. Солдаты погнали коней на пляшущие фигурки индейцев. Дружный залп из пяти карабинов свалил одного из Абсароков. Бородатый охотник тщательно прицелился, не покидая фургона, и выпустил заключительную пулю в сражении. С пони рухнул ещё один дикарь.

Абсароки успели подхватить с земли двух убитых (среди них Половина Волка). Третьего подстреленного подобрали солдаты. Индейцы скрылись. Солдаты подтащили мёртвого туземца к ближайшему дереву, раздели покойника донага и подвесили за ноги к мокрой от прошедшего дождя ветке. Бак протестовал, яростно отгонял синие фигуры от мертвеца и кричал в лицо солдатам:

– Так нельзя! Это оскорбление! – Он кружил вокруг рыжего сержанта и расталкивал солдат прикладом. – Псалоки предупредили нас, а могли расстрелять из-за кустов. Это честный бой...

– Но с нас, если бы что, содрали бы кожу с волосами.

– Это Псалоки. Они не посмели бы, сержант. Они приедут через день в форт извиняться. Они привезут трубку. Вот увидите.

– Эллисон, заткнитесь. Пусть туземец висит. Ничего страшного. Я же не отрезаю ему яйца, а мог бы! – Сержант оскалился и раздражённо дёрнул козырёк фуражки.

– Поехали, эгей! – Маленький отряд покинул опушку, продолжая прерванный путь в форт Пьер. Фургон качался, растрясая наваленные в него туши оленей.

Повозка с грохотом вкатилась в деревянные ворота, и столпившиеся солдаты принялись разгружать её. Тяжёлые трупы животных громко шлепнулись на землю. Громко стукнулись о спицы колёс оленьи рога, и между губ одного из мёртвых животных показался окровавленный язык. Бак отвёл коня в стойло и ушёл в комнатку, где на стенах были растянуты шкуры антилоп и медведей, где густо пахло табаком и потными мокасинами. В этом тесном помещении ютились охотники и следопыты, приписанные к военному посту. С установленных в два яруса кроватей свисали поношенные шерстяные носки, источавшие густой запах. Бак бросил голову на руки, недолго посидел без движений, затем взглянул в окно. На дворе шумели возбуждённые голоса, начался красочный рассказ об утренней стычке.

7

День был пасмурный, мрачный. Если бы не сознание того, что форт с его Синими Мундирами остался позади, то настроение Эллисона можно было назвать чертовски дурным. Он покинул укрепление в полном одиночестве, не только никому не пожав руку на прощание, но едва не устроив животную драку с лейтенантом Бигсом. Повод был пустяковый (какая-то глупая солдафонская шутка), но Бак вспылал. Их разняли стоявшие неподалёку трапперы.

– Полно тебе, сынок, – прошепелявил старый канадец Фурье, вытирая лапами замшевой куртки медвежий жир с ладоней. Этот седовласый охотник со сломанным носом с первого дня знакомства называл Эллисона сыном. – Неужели у тебя не хватает ума чувствовать себя выше этих синих рубашек и пропускать их бесцветные шутки мимо ушей?

– Я устал от них, Фурье.

– Уезжай. Что тебя удерживает?

– Но ведь меня наняли на строго оговоренный срок, – возразил Бак.

– Это они обязаны жить по уставу, а ты – человек вольный. Высморкайся в их сторону и спокойно садись в седло.

Бак решил последовать совету старого канадца и рано утром собрался в путь.

Он ехал верхом на красивой гривастой лошади чёрного цвета, на поводу за ним шла пегая лошадка, на которую он навьючил свой скудный скарб.

Ближе к полудню он увидел одинокого бизона. Это был очень крупный самец.

– Здравствуй, брат, – поприветствовал его Эллисон, поднявшись в стременах. – Ты давно ли поджидаешь меня? Я весьма голоден, так что поделись со мной своим жирным мясом.

Бык повернул косматую голову в сторону человека и покачал ею, словно отказывая охотнику.

– Не упрямясь, – улыбнулся Эллисон и вытащил винтовку из чехла.

Бизон, казалось, понял его намерения и пустился прочь тяжёлыми скачками. Бак проворно приложил приклад к плечу и выстрелил, но пуля лишь задела громадное животное, напугав его и заставив его бежать быстрее. Он пустил коня галопом, бросив повод вьючной лошади. Охотясь на бизонов, Бак обычно подъезжал к ним максимально близко, чтобы бить наверняка. Если подобраться к быку вплотную, то даже самого крупного можно свалить одним выстрелом.

Но в этот раз бизон попался хитрый. Он прыгал то туда, то сюда, не позволяя всаднику приблизиться. Его чёрные глаза сверкали из-под взлохмаченной пыльной шерсти, пересохший язык то и дело высовывался полумесяцем из открытого рта, могучая голова дёргалась вправо и влево, отгоняя охотника короткими чёрными рогами, хвост поднялся и вилял лохматым концом, будто грозя человеку.

С большим трудом Бак заставил коня подскочить близко к бизону и выстрелил. Пуля попала под лопатку рогатому гиганту, но он продолжал мчаться вперёд. По языку его потекла кровь.

Внезапно бизон ринулся на всадника, и только ловкость Эллисона спасла его от страшного удара. Рога проскользнули в каком-то дюйме от лошадиной груди, едва не свалив её. Если бы это произошло, Бак неминуемо попал бы под копыта разъярённого животного и был бы растоптан. Ему не раз приходилось наблюдать такие сцены во время большой охоты. Однако он был готов к такой выходке со стороны бизона. Быстро перезарядив винтовку, он выстрелил ещё раз. Бык завилал, остушился и в конце концов упал.

– Вот и всё, мой могучий брат, – Эллисон остановил коня возле огромной туши, – я благодарю тебя за твоё мясо и шкуру. Если бы не ты, мне пришлось бы голодать. Но Великий Дух послал тебя мне. Не злись, что мне пришлось лишиться тебя жизни. Теперь я приму твою силу. Не тревожься. Ни твоё мясо, ни твоя шкура не пропадут. Я всему найду применение...

Спрыгнув с коня, Бак достал нож и быстрыми движениями вспорол шкуру на брюхе бизона, затем ловко отделил с помощью широкого ножа шкуру от мяса. После этого он взял животное за рога и принялся поворачивать мощную голову, переваливая тушу с бока на живот, и вскоре бизон уже лежал ободранной спиной вверх. Следуя привычке, Бак в первую очередь вырезал длинные куски мяса между лопатками быка; все охотники признавали это место самым лакомым в бизоне.

Едва уложив мясо в мешки, Бак услышал далёкий топот конских копыт. Он выпрямился и в следующую секунду увидел над ближайшим холмом человек десять обнажённых всадников. У всех за плечами висели колчаны со стрелами и круглые щиты, у одного поблёскивало в руках длинноствольное ружьё. Заметив человека возле разделанной бизоньей туши, индейцы вытащили луки из колчанов.

– Да у вас совсем не дружеские намерения, – заключил Бак, отступая к лошади. – Кто бы вы ни были, у меня нет желания сближаться с вами.

Не дожидаясь дальнейших действий краснокожих воинов, Эллисон вспрыгнул на своего скакуна и погнал его прочь. Лишь отъехав на приличное расстояние, он приостановился и оглянулся. Индейский отряд подъехал к бизону, многие спешились. Сгрудившись над тушей, индейцы копались в бычьих кишках, кое-кто горстями черпал кровь и пил её медленными глотками.

– Пусть горячая печень придаст вам силы! – крикнул Бак им и помахал рукой.

Некоторые индейцы ещё оставались в седле, и один из них, выкрашенный белыми полосами по всему телу, погнал было коня по направлению к Эллисону, но передумал и быстро вернулся обратно. Зов желудка оказался сильнее жажды подвигов.

Юдит Моррисон любит тебя (1863)

1

Бак Эллисон провёл лето 1862 года на берегу Найобраны в Лэсли-Таун (том самом, где два года назад он подрядился проводить партию мормонов до форта Ларами). В Лэсли он сошёлся с коренастым и широкоскулым Билли Шкипером. Билли имел своё торговое дело, промышлял мехом, разумеется, не стремясь конкурировать с Пушной Компанией.

– Мне достаточно моего куска. Я не желаю поперхнуться, хватая более жирный ломоть, – смеялся Шкипер. – У меня дурная наследственность. Никто из моих предков, Бак, не смог покинуть этот грешный мир своей смертью. Дед моего деда был шкипером на какой-то океанской посудине и велел всем называть себя Шкипером, когда оставил парусник. Так и приросло к нему это прозвище, приросло и стало настоящим именем. Все дети после него носили фамилию Шкипер... Так вот, дорогой мой Бак, его убили ещё до Американской революции. В форте Дирфилд, что стоял в Новой Англии, во время войны англичан с французами с него сняли скальп. Была жуткая зима, как рассказывали мне, никто не мыслил в ту ночь о нападении. А снегу намело столько, что весь частокол занесло, через него можно было запросто перешагнуть, что, собственно, и произошло. Подкрались французы, с ними индейцы из племени Чагнавагов и перебили массу людей. Тогда и погиб первый Шкипер нашего рода. Жена его чудом уцелела с детьми... Затем понеслось. Кого-то раздавило деревом в лесу, кто-то утонул при переправе, кого-то лошадь насмерть затоптала. Деда задрал медведь, а бабу в Иллинойсе убили во время войны Чёрного Ястреба. Отец мой, бедняга, подвернулся какому-то головорезу и умер с пулей в желудке. Он страсть как любил пожрать, но такая закуска оказалась не для него. А матушку я не видел никогда, потому что она скончалась при моих родах... Знаешь, Бак, у всех наших было по несколько детей, и все обрывали жизнь, не дойдя до старости... Я в нашей семье был первым и последним ребёнком, да не оставит моих предков Господь... Поэтому я не рвусь соперничать ни с кем. Я последний остался в нашем роду. И я бы предпочел сам протянуть ноги, а не подыхать с ножом под ребром. Ха-ха!

Он привёл Бака к себе и убедил остаться у него в доме. Он был взрослее лет на пять и принял Эллисона как младшего брата. Потянулись дни непонятной городской жизни. Бак обучился играть в покер и частенько просиживал за карточным столом в салуне целый день, заодно приобщаясь к спиртному. Случалось, он оставался в номере второго этажа до утра, обласканный симпатичной Юдит Моррисон. Она работала в том же салуне Брайна, заставляя посетителей раскошелиться на выпивку.

– Ну, жмот толстопузый, купи мне стаканчик, – трогала она за колено кого-нибудь из мужчин. Бывало, она вводила приглянувшегося ей человека в свою комнатку на втором этаже. Там, под облупившимся портретом Джорджа Вашингтона в тяжелой раме с приколотым букетиком высохших цветов, она ублажала гостя. Он млел в её объятиях всю ночь, однако наутро выворачивал карманы, чтобы расплатиться за полученное удовольствие. И сумма, обыкновенно требуемая Юдит, не была маленькой.

Был случай, когда смазливый паренёк показал ей кукиш, выбравшись из её кровати. Тогда Юдит достала из выдвижного ящика трюмо крупнокалиберный «дерринджер», который обычно прятали в ладони или в рукаве карточные шулеры, и направила ствол в живот парня. Расстояние было слишком ничтожным, чтобы промахнуться. Парень побледнел и больше не упрямылся. Он извлёк из жилетки, расшитой золотыми листьями, всё до последнего цента...

Бак Эллисон стал бесплатным любимчиком Юдит. Иногда, правда, ей приходилось всё же встречаться с кем-нибудь из клиентов для заработка, но это были весьма редкие случаи. А глав-

ное – клиенты перестали задерживаться у неё до утра, потому что её ночи принадлежали Эллисону.

– Оказывается, – смеялся Шкипер, – тебя манит не только прерия, Бак.

А Юдит он не прекращал напоминать о том, что Бак однажды сбежит от неё в прерию, подобно койоту, несмотря на всю её ласку и нежность.

– Он слеплен из другого теста, Юдит дорогая. Город он сможет принимать лишь мелкими порциями, иначе зазнётся, как от ядовитого напитка. Его дом – прерия, горы, леса. Там он на своем месте.

– Не вздумай только напоминать ему про эту поганую пустыню, – шипела она в ответ и отталкивала торговца, – не то в самом деле ускачет к своим краснокожим... Ступай домой, оставь меня с Баком, он сейчас придёт... И не каркай мне тут, ты небось не ясновидящий.

Билли от души хохотал, но ещё долго расхаживал по комнатухе, чтобы подзадорить женщину. Наконец, когда Бак Эллисон появлялся, Юдит просто начинала выпихивать Билли за дверь.

– Я хочу побыть с вами, друзья, – смеялся Шкипер, размахивая початой бутылкой, – вы мне очень дороги, я вас люблю!

– Ну и торчи тут! – восклицала она и принималась раздеваться, шурша атласной юбкой, чулками и подвязками.

– О! Как ты щедра, милая Юдит, что согласна поделиться своими прелестями сразу и со мной. Ты же знаешь, что я не против. Я всегда был твоим обожателем, – гоготал Билли, наблюдая за её движениями, пока она расшнуровывала корсет. Тут в него летел тяжёлый дамский сапожок, и Билли выскакивал за дверь, впуская в комнату табачный запах и гудящее пение салуна, пронизанное дребезжанием рассохшегося пианино.

Прошло время, и Бак заскучал, если так можно назвать подкравшееся к нему настроение. Жизнь в индейской деревне на самом деле была не менее однообразной, чем в этом городе. Там тоже всегда было одно и то же, но каждое действие там совершалось для того, чтобы поддержать жизнь и защитить её, если что-то угрожало ей. Поэтому всякое событие было значительным... А в городе Эллисону всё казалось пустым, бессодержательным, но при этом всего было слишком много. Та же Юдит Моррисон. Она настолько насытила Бака постельной любовью, что всякая женщина стала представляться ему не спутницей жизни, не хранительницей очага, а возбуждённой самкой с раздвинутыми ногами и высоко вздымающейся грудью. Шляпки, шуршащие юбки, перчатки и зонтики городских дамочек раздражали его, потому что казались ему лишними и ненужными безделушками. Обходя девушку стороной, он невольно пытался прикинуть, каков запах у неё между ног... Едва Бак уловил такое своё состояние, он пришёл в ужас.

– Я насквозь провонял женщиной и виски. Я прячусь от дождя, чтобы не замочить брюки, – говорил он Шкиперу, – я не сумею теперь учуять волка. Юдит меня удушила своим запахом. Эти флакончики, пудра... Это как заманивать пса ароматным мясом... Я должен убраться отсюда побыстрее...

Он принял решение мгновенно, прицепил дорожные сумки и погнал коня прочь из Лэсли-Таун, словно за ним гнался сам дьявол. На окраине он неожиданно остановился, вслушиваясь в звуки. Стояло раннее утро. Город крепко спал. Убаюкивающе журчала вода после ночного дождя. Бак повернул коня и оглянулся. Молодые листочки уже успели раскрыться на деревьях и кустах, но ещё не полностью покрывали ветви. Справа от Эллисона возвышался красивый особняк. Бак подвёл коня к кустарнику, окаймлявшему ограду и заглянул во двор. Пустые мокрые качели слегка раскачивались под большим деревом. Бак улыбнулся, представив около них смеющуюся девочку в белоснежном платье, выплёскивающую воду из стеклянной посуды. Улыбнулся и опять нахмурился, оглянувшись на салун.

– Хей! – Он пустил коня с места во всю прыть.

Лето он провёл в стороне от людей. Реки за время весенних дождей наполнились и вновь опустели. Краски исчезли. Надвигалась хмурая осень. Много раз Бак видел издали кочующих индейцев, их свёрнутые по-походному палатки, волокуши с домашним скарбом, табуны лошадей и суетливых собак. Он смотрел на них издали и не решался приблизиться, хотя это было его родное племя. Ему мерещился тяжёлый запах города на себе. Казалось, что этот запах никогда не выветрится. Далёкий Выстрел растерянно думал о том, что индейцы могли учуять в нём чужака и, подобно обезумевшим псам, злобно броситься на него, зловонного и противного им Бледнолицего. И благоразумие заставляло Бака Эллисона далеко отходить от стойбища краснокожих. Он ясно почувствовал теперь смысл слова «дикие». Оно вообрало в себя бесконечность равнин, просторную грудь земли и вседозволенность жизни, которую белый человек понимал лишь как насилие. Бак вынужден был признаться себе, что связующая жизненная нить между ним и Лакотами готова была порваться (если уже не порвалась), подобно пуповине между матерью и ребёнком. Родное племя страшило его. Он ожидал агрессии со стороны индейцев, и это означало, что он сделался другим. Он стал опасаться туземцев. Цивилизованный человек не принимал дикость, она страшила его, отпугивала, отгоняла от себя, подобно оскалившемуся хищнику. Бак чувствовал это по себе и ощущал себя из-за этого больным.

Целый год он рыскал, подобно другим охотникам-одиночкам, по горным и лесным тропам, заезжая то и дело в торговые пункты, чтобы сдать меха. Позади остались зимние снега, затем уплыло жаркое лето.

2

Исхудалая лошадь тяжело и громко дышала. Из тонких волосатых ноздрей валил пар. Неподвижный всадник в изношенной кожаной рубашке смотрел на Бака провалившимися глазами. Бак не слышал его приближения и вздрогнул, когда увидел в нескольких шагах от себя странную фигуру на фоне холодного неба. Это был призрак.

– Иди ко мне, – позвал Бак. По покрою рубашки и обуви он понял, что индеец принадлежал к Дакотам. Дикарь не выказал удивления, услышав родное наречие в устах белого человека. Не потому не удивился, что ждал именно этого, а потому что не мог удивляться. Он смертельно устал, и в глазах его стояла тоска. Голые ноги индейца шевельнулись, подгоняя лошадь к костру.

– Ты из лесных Дакотов?

Индеец кивнул. Он сполз с лошади и сел перед углями на корточках. Ветер гнал колючие иголки по воздуху, это был ещё не снег, но это уже означало зиму. Индеец безвольно опустился возле огня, и голые ноги его стали похожи на конечности ожившей мумии. Обтрёпанные мокасины свободно болтались на худых ступнях. Бак протянул ему кусок мяса и сходил к лошади за одеялом, чтобы укрыть краснокожего. Тот кивнул и набросил одеяло на плечи. Спутавшиеся волосы беспорядочно плескались вокруг худого тёмного лица...

Время шло. Они сидели молча. Потом, когда небо совсем провалилось во тьму, дикарь вдруг заговорил. Его голос был тих:

– С прошлого снега у наших людей было мало еды. Нам не разрешали охотиться и не давали продуктов в агентстве. Священный-Ходящий-Ястреб⁸ поверил белым людям и дотронулся до их бумаги палочкой с чернилами. Он отдал им наши земли, но они не захотели кормить нас. Один из них злобно кричал на нас, когда мы, как нам велели белокожие начальники, пришли за едой. Тот человек называл нас животными. Он сказал, что мы можем есть траву, если голодны, и собственный навоз. Нас было много в агентстве, но никто не подумал тогда убить белых. Мы ещё не поняли, что они решили уничтожить нас голодом. С нами пришли женщины и дети, и дети плакали... Мы не могли понять, что бумаги, которые обещали нам мир, не обещали нам жизни. Прикоснувшись руками к пишущим палочкам и нарисовав свои знаки на листах договора, мы не заключили договора о мире. Но тогда мы ещё не знали об этом. Мы просто отдали свои земли и пообещали не воевать против белых людей... И вот в конце Месяца-Когда-Ягоды-Краснеют, случилась первая схватка. Четверо наших воинов просили белых дать им курицу. Они были голодны и сильно раздражены. Один из Бледнолицых стал прогонять их, угрожая ружьём, и они убили его, затем двух других. Священный-Ходящий-Ястреб был недоволен и сказал, что нас всех перебьют за это. Он был старым вождём. Он ходил к белым в их дом, где они обращаются к своему Богу, он даже носил их одежду. Но он остался с нами до конца... На следующий день мы напали на агентство. Многих белокожих убили. Наши вожди и воины дружили со многими, они не трогали друзей. Я видел, как кое-кто из Дакотов прятал знакомых Бледнолицых от наших братьев, потому что большинство было сильно разгневано. Но не все Бледнолицые имели друзей. Мы оставили там много крови. Торговцу, который велел нам есть траву, мы напихали полный рот травы и застрелили его, потом вспороли ему живот и натолкали туда травы тоже... Мы были сильно озлоблены. Я сам убил нескольких человек и отрезал им головы, как издревле было принято поступать с нашими злейшими врагами. В тот же день мы повстречали солдат и прогнали тот отряд,

⁸ Четан-Мани-Вакан (Ястреб-Ходящий-Священным-Образом) – в литературе обычно встречается под именем Маленькая Ворона, так его называли местные жители. Он носил одежду белых людей, когда появлялся на улицах городка, чтобы поселенцы не почитали его лично и его народ за диких существ, и часто посещал церковь, то ли пытаясь приобщиться к «цивилизованной религии», то ли стараясь произвести благоприятное впечатление на белых людей.

затем напали на форт, но не одолели его. Правда, мы сумели поджечь конюшню и угнали много лошадей, но большой пользы нам это не принесло. У нас не было в достатке стреляющего оружия, и мы собирали с земли оборонённые белыми людьми патроны, складывая их в кушаки. Два дня мы сражались возле деревянной крепости и всё-таки отступили... И тут пришёл большой вождь Синих Мундиров, которого мы называем Длинный Торговец Сибли. Теперь мы испугались, потому что солдат было слишком много. Мы знали, что пощады нам не будет, так как слишком многих жителей мы убили, которые не были воинами... В самом начале Священный-Ходящий-Ястреб спрятал нескольких Бледнолицых даже в своём доме, чтобы оградить их от слишком обозлившихся воинов, но позже запах крови и пороха пробудил в нём забытый голос предков, и он тоже стал жесток к белым людям... Он знал, что солдаты не станут теперь щадить нас... С нами кочевали наши семьи, а мы не привыкли воевать в таких условиях. Поэтому многие стали падать духом. За нами охотились, нас гнали, и мы бежали. Кое-кто стал говорить, что нам следует уйти к степным Дакотам, но наш народ не был богат лошадьми, чтобы передвигаться быстро по открытому пространству. Нас бы перебили сразу, а в лесу мы умели выживать... Тогда многие вожди сложили оружие и сдались белым, среди них был Вабаша и Большой Орёл. Священный-Ходящий-Ястреб ускользнул. Солдаты окружили лагерь с теми, которые согласились больше не воевать. Эти Дакоты не поднимали с того дня оружие. Но на них всё равно направили пушки, отобрали у них ножи и стрелы и заковали в железо, скрепив мужчин подвое, чтобы не смогли сбежать. Священный-Ходящий-Ястреб был застрелен, когда хотел достать для нас лошадей. Он был стар, очень стар, но тем не менее ему отрубили голову и сняли скальп. Солдаты насадили его голову на палку и увезли её в город на показ. Мы долго следили за пленными, но не сумели выручить никого. Длинные Ножи хорошо их стерегли. Однажды из города пришло множество белых людей, но они не носили синюю военную одежду. Это были мужчины и женщины. Они хотели повесить всех схваченных индейцев и кидали в них палки и камни. Пленные не могли сопротивляться, потому что на них висело много цепей. Одного ребёнка затоптали ногами. Солдаты прогнали белых, но увезли и пленников. Теперь мы не знаем, где наши родные. Живы ли они? Куда их забрали? По дороге их опять будут бить, и никто не знает, что ждёт их в том месте, куда их доставят. Индейцев не любят нигде. Их всюду поджидает смерть. Я потерял жену и детей. Я потерял страну. У меня ничего не осталось. Даже имя моё мне не нужно. Я хочу только скорее отправиться по Дороге Призраков следом за моим племенем...

Индеец замолчал и набросил на голову одеяло. Мерцающие угли высветили широкие скулы, туго обтянутые тёмной кожей. Безжизненные глаза потерялись в глубоких глазницах.

– Когда поднимется солнце, – сказал Бак, – я поеду на юг. Я оставлю тебе нож.

– Не нужно ничего, брат, – ответил дикарь. Кожа сморщилась вокруг потрескавшихся губ. – Я не поеду дальше. Я видел много людей. Много белых и много красных. Но моего народа нет, мне больше нечего искать.

Он замолчал и оставался неподвижен всю ночь. Возможно, с последним словом, которое он выдавил из себя, его дух и тень-призрак начали готовиться к отходу к высоким звёздам, откуда они были взяты и вложены в человека при его рождении... Или он просто засыпал... Он слишком устал.

Утром Бак не заговорил с ним, лишь молча положил перед ногами Дакота ремень с большим охотничьим ножом. Индеец не шелохнулся. Он сидел с покрытой одеялом головой и думал о своём. Может быть, он уже умер или умирал. Бак не стал открывать одеяло, скрывавшее лицо дикаря. Он сел на коня и поскакал прочь. Прерия за ночь покрылась тонкой коркой снега. Ушёл ещё один год жизни. После него в душе не осталось радости.

3

Бак въехал в Лэсли-Таун по боковой улице, обогнул длинное строение городского склада, на стенах которого трепыхались многочисленные лохматые обрывки объявлений, и напрямик направился к салуну Брайна. Просторное помещение уже кишело посетителями. В зимнее время в салуне собирались значительно раньше, чем летом. Многие ковбои, обычно занятые перегонном скота через штаты, теперь лениво посасывали подорожавшее пиво да пускали кольца сизого дыма в потолок. Бак шагнул в салун и остановился, оглядываясь. Прогретый воздух лизнул замёрзшее бородатое лицо.

– Эй, приятель, не держи дверь! – крикнул кто-то. – Когда мы надумаем глотнуть свежего воздуха, мы сами выйдем на улицу.

Бак захлопнул за собой дверь. Виднелись знакомые лица, но было множество чужих. За столом возле входа сидел одноногий солдат в дешёвенькой куртке на меху, рядом стоял прислонённый к стене костыль.

– Скажи, Брайн, – обратился Бак вместо приветствия к хозяину салуна, – Юдит у себя?

Он стащил с головы потрёпанную мохнатую шапку с хвостом и сунул её за пояс. Надыханный воздух кабака и плавающие вокруг ламп полосы дыма вызвали у него желание ополоснуть горло жгучим напитком. Вирус кабацкой жизни мгновенно проник в него.

– Так что, у себя Юдит?

– Нет. Её вообще нет. – Хозяин посмотрел Эллисону в глаза. – Умерла она. Похоронили всего неделю назад. Зарезали её по пьяному делу.

– Кого? Юдит Моррисон? – не понял Бак. Бармен кивнул и подвинул стакан. Бак взглянул на лестницу, ведущую на второй этаж. Он залпом выпил налитый виски и поморщился. Жёлтый огонь проскользнул в желудок.

– Ты изменился, – сказал Брайн и плеснул в стакан ещё.

– Не брился давно. Я сам не могу привыкнуть к бороде. – Бак глубоко вздохнул, прогоняя по телу жгучесть спиртного. Затем он выпил ещё одну порцию. – А Билли Шкипер здесь?

– В городе, куда ему деваться? Он в салуне «Арома».

– Новое место?

– Город растёт, – ответил Брайн, – «Арома» открылся в прошлом месяце. Быстро и ловко соорудили. Для приезжих там, конечно, поуютнее, стены плюшем обиты. Но старожилы толкуются у меня. Здесь у каждого свой стул, свой угол. Раньше у меня и у Толстого Блэйка собирались, теперь, видишь, ещё одна забегаловка. Заблудиться можно. Если так пойдёт дальше, то придётся конкурентов отстреливать, как ядовитых змей, – засмеялся Брайн и направился на кухню, откуда густо валил запах бульона.

Бак оставил на мокрой поверхности стойки несколько монет. Выйдя из салуна, он верхом добрался до кладбища на окраине Лэсли. Сразу в глаза бросились две могилки со свежими дощечками. На одной покоился заледенелый хвойный венок. Обмороженные траурные ленты чёрной коркой лежали в снегу. На каждой кривенькой досочке виднелись надписи. Бак очистил их от снега и увидел на одной из них: «Доброй девочке Юдит Моррисон. Она веселила весь город. Убита Джейком Маклаудсом». На другой говорилось: «Джейк Маклаудс. Повешен руками Билли Шкипера за убийство Юдит Моррисон». Бак поскрёб пальцем по могильной доске Юдит, отколупывая застывшие ледышки на отдельных буквах, затем отступил на несколько шагов. Ему казалось, что надо что-то сделать, стоя перед могилой этой женщины. Но он не привык к обычаям белых людей. И он негромко затянул траурную песню Лакотов, раскачиваясь туда-сюда, словно на ветру. Юдит не была чужой, хоть и не доводилась близким другом. Она была человеком. Песня должна была успокоить её и беспрепятственно

провести по Дороге Призраков... Затем он вернулся в седло и поскакал к бару «Арома», чтобы увидеть Шкипера.

– Повешен руками Билли Шкипера, – сказал Бак, остановившись возле столика, за которым Билли угрюмо постукивал двумя маленькими рюмочками друг о друга.

– Привет, Бак, – поднял глаза Билли и встал, чтобы обнять приятеля, – рад видеть тебя живым. Присаживайся и угощайся. Только сперва скинь куртку, а то с тебя снег течет, да ноги отряхни веником у двери. Здесь приличное место... Ты уже знаешь о ней? Был у могилы?... Она, мне кажется, серьёзно привязалась к тебе, дружок, и решила, что ты навсегда уехал... Помнишь, как она весело смеялась, когда выгоняла меня из комнаты? Потом погрустнела, ни с кем больше не встречалась после твоего отъезда. Торчала целыми днями внизу и пропивала деньги...

– О мёртвых нельзя говорить, это большое неуважение по отношению к ним.

– Это у вас, варваров, так считается, – отрезал Билли, – а у нас принято вспоминать умерших... Вернись ты на две недели раньше, она осталась бы жить... Этот Джейк появился случайно. По-моему, он вне закона, хоть мне и не доводилось видеть объявления за его поимку. По крайней мере, он всё время таился, ждал чего-то. А однажды напился напару с Юдит и разбушевался. Он и до того тоже пытался липнуть к ней, но она отшивала его. А тут вдвоём перебрали, её развезло, он стал колотить её. Какой-то проезжий офицерчик, молоденький такой, усики совсем прозрачные, вступился за неё. Джейк кинулся на него с ножом и порезал ему руку. Потом ударил Юдит. Просто так ударил. Подошёл, глянул ей в лицо и ткнул ножом в грудь. Нож так и остался в ней, когда она упала на спину. Этого подлеца скрутили, кто-то раскровянил ему рожу табуретом. Маршал⁹ распорядился вздёрнуть его без суда присяжных. Я вызвался сам...

– Я тебе волков настрелял и прочую живность. Много шкур привёз, – прервал воспоминания Шкипера Эллисон, и Билли удивлённо посмотрел на него.

– Не хочешь вспоминать о ней?

– Не знаю. Когда я услышал, что она умерла, я ничего совсем не ощутил. Разве что какую-то досаду. Или разозлился на неё. Не одной ведь ей тошно на свете... А там, у могилы, мне показалось, что это моя вина. Призраки, хоть мы и не слышим обычно их слов, всё-таки нашёптывают нам свои мысли; они то успокаивают нас, то укоряют.

– Твоя вина, Бак. Юдит тосковала по тебе. Будь ты рядом, ничего бы не произошло. Или же тебе не следовало попадаться ей на глаза.

– Зачем ты говоришь так? – вспыхнул неожиданно Бак. – Разве я могу что-нибудь изменить? Моя жизнь наполнена смертями, они не потрясают меня. Смерть привычна. Не хочу сказать, что она вовсе ничего не значит, но она привычна, она всегда и везде, потому что без смерти жизни не бывает. Возможно, гибель близкого человека заставит меня страдать, плакать... Я не знаю... У меня нет такого близкого. А что до Юдит... Я провёл с ней хорошее время. И что теперь?

– Ты должен помнить кое о чём, лопни мои глаза! Ты живёшь с нами, поэтому держи в своей башке что-нибудь ещё, помимо своих краснокожих. Ты стал жить с женщиной, ты приручил её, ты сделал её женой и сбежал!

– Не ори на меня. Я не враг тебе, чтобы запугивать тебя криком. Я не понимаю, о чём ты говоришь. Разве я обещал ей что-то? Ко мне подошла самка, она легла под меня, так почему я виноват? В племени жена иногда приводит мужу своих сестёр, чтобы они не страдали без мужчин, затем их может забрать в жёны другой воин, если они согласны. И никто не обижается. Любовь? Так ведь Юдит любила всех. Я оказался одним из многих, Билли. Я жил с ней,

⁹ Маршал – государственный чиновник, назначаемый в некоторые города США для выполнения судебных и административных функций.

затем уехал, когда захотел. Я свободен. Или человек обязан спрашивать дозволения на каждый поступок? Никто не в праве никого неволить. Между прочим, индеанка ждала бы возвращения мужа. А Юдит не стала. Кто должен чувствовать себя обманутым? Давай оставим этот разговор, Билл... Просто не было ничего.

– Было, Бак, – Шкипер взял Эллисона за руку, – было. Была Юдит, ты с нею жил.

– И ты тоже, среди прочих клиентов, – ответил Бак, посмотрев в зрачки приятеля.

4

Шестьдесят третий год остался позади. Шкипер взял Бака компаньоном в своё дело, но Эллисон не чувствовал тяги к бизнесу. Он предпочитал брать на себя привычное дело охоты, водил небольшие партии зверобоев в горы и леса и всячески старался приобщить самого Шкипера к жизни вне города. Но для Билли костёр и свежий воздух оставались лишь атрибутами пикника. Охота вовсе не пришлась ему по сердцу, он предпочитал видеть шкурки четвероногих братьев в обработанном виде на прилавке.

За несколько дней до встречи Нового года Шкипер показал Баку десяток разных фотографий на картонной основе с названиями фотографических студий, где он позировал на фоне различных магазинных вывесок. На одном снимке Бак увидел рядом с Билли улыбающуюся Юдит.

Он был ошарашен. Впервые он увидел человека, которого давно не было в живых. Он испытал чувство суеверного ужаса, долго ходил по комнате, подносил фотографию к лицу, ощупывал пальцами плотный картон, разглядывал и ждал, когда, наконец, женщина зашевелится. Шкипер внимательно смотрел на него и вдруг осознал, что рядом с ним находится первобытный человек. В некотором смысле Бак оставался больше индейцем, чем белым. Ждать чуда от маленькой картонки мог только на удивление наивный человек... Не случайно все краснокожие, столкнувшись с фотокамерой и узнав о способностях «чёрного ящика» захватывать облик любого живого существа, долгое время сторонились этого громоздкого фотоаппарата, считая, что он заглатывает душу, поэтому и размножает на плоскости проглоченные им образы.

В ночь, когда они отмечали Новый год в окружении нескольких смазливых барышень и трёх прилизанных коммерсантов, Бак вдруг сказал негромко:

– Я думал, что Юдит придёт к нам, раз она у тебя в доме.

В первую минуту Билли растерялся и не понял даже слов Эллисона. Гости смеялись о чём-то своём, а Билли молча смотрел на Бака. Через пару минут он понял, что товарищ вовсе не тронулся умом, а просто вспомнил фотографию, считая её какой-то необъяснимой частью жизни... И кто знает, может быть, эти странные свето-химические портреты на самом деле таят в себе неведомые нам частицы жизни...

Билли обнял Бака и вышел с ним в другую комнату.

– Я же тебе объяснял, Бак, что это не имеет к нам никакого отношения. Будь я проклят, если знаю, как растолковать тебе это. Бумага не живёт. Её можно сжечь, порвать.

– Человека тоже можно порвать, просто ты не видел этого. Мы часто разрезали своих врагов на куски...

Шкипер замял разговор, но увидел, что Юдит внезапно приобрела для Бака особенное значение. Она стала человеком, который, оказывается, жил после смерти и находился в непосредственной близости. Разумеется, он слышал, что индейцы были сильно суеверными существами, что они умудрялись даже общаться с умершими родственниками. Будучи человеком религиозным, Билли понимал, что есть иной мир, где обитают души предков, но слова об умении примитивных дикарей, не знающих Христа, входить в контакт с тем самым «иным» миром вызывали на его лице скептическую улыбку. Что могут уметь варвары?.. Но на его глазах Бак Эллисон превращался в совершенно другого человека, держа в руках фотографию Юдит. И это не было простым удивлением. Здесь явно присутствовало нечто большее, и это большее отчетливо проявлялось в глазах Эллисона: он видел то, чего не видел Шкипер.

– Лакоты говорят, что люди живут где-то после своей смерти, – сказал он однажды Шкиперу. – Но никто точно не знает. Так говорили издревле. Шаманы многое знают, и мы не можем не верить им. Иногда они показывают настоящие чудеса, и это не те фокусы, которые вы смот-

рите в ваших цирках, где просто ловкость рук. Почти всякий воин, да и женщины тоже, стараются соприкоснуться с невидимой страной, чтобы обрести уверенность и помощь. Просто слов мало, человек должен знать, убедиться сам. Но мы знаем не всё... Вы говорите, что есть рай, так вас учит Библия. Может, это та же страна, где обитают наши мёртвые?... Я видел, как один белый умирал и молился. Он был пробит пятью стрелами, меж губ у него сочилась кровь. Я стоял над ним, и он думал, что я настоящий краснокожий и не понимаю его языка. Он посылал мне всякие проклятия и упрашивал своего Бога, чтобы тот дал ему какие-то доказательства, он требовал чуда, чтобы убедиться, что на самом деле существует та самая таинственная страна по имени Рай. Он хотел убедиться, чтобы в последнюю минуту ему не страшно было умирать. А мы, Лакоты, знаем наверняка, поэтому в трудную минуту поём песню смерти, дабы под её звуки шагнуть в край, где обитают мёртвые. Ты показал мне больше, чем тот умирающий мог получить от своего Бога.

– Это лишь фотография, – пробовал опять объяснить Билли. – это не мир покойников, клянусь всеми святыми. Это просто портрет. Посмотри, ведь я тоже там есть.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но я все знаю. Ты тоже там живёшь. Это означает, что ты уже умер. Вспомни, как ты рассказывал мне о своих предках, об их судьбах. Тебе не уйти от их участи. Юдит тоже убили, и ты находишься с нею рядом, ты же сам видишь.

Шкипер ощутил неприятный холодок, ползущий по спине, и сказал:

– Мы с тобой можем сходить в фотографическое бюро. Я подарю тебе карточку с твоим лицом, и ты убедишься, что это вовсе не страна мёртвых.

– Не хочу. – Бак отдал фотографию Шкиперу. – Я не боюсь смерти. Но я совсем не желаю жить, опустившись душой в страну мёртвых. Я не знаю, кто или что такое Бог. Но я знаю наверняка, что есть страна, куда уходят те, которые умерли. Из той страны являются призраки. Я видел их. Они точно такие же, как портреты на твоей бумаге. Они столь же отчётливы, столь же впечатляющи. Лакоты обращаются к Великой Тайне с просьбами. Великая Тайна, я думаю, это – тот же Бог. Я не успел поверить в Бога, будучи в мире белых. Мне так же трудно поверить в Великую Тайну, хотя я чувствую, что меня окружает какая-то тайна, вся моя жизнь насыщена ею. Кто-то управляет мною, но кто?

Кровь с берега ручья (1864)

1

– Они вытворяют такое, господа, что волосы дыбом встают, – размахивал руками красивый молодой человек в жёлтом костюмчике. Время от времени он обтирал выступающий на шее пот носовым платком и промокал им же лоб. – Это неопишное варварство, джентльмены. Представить трудно. Я даю руку на отсечение, что общая индейская война начнётся не сегодня завтра.

– Вот как начнётся, так вам руку-то и отсекут, любезный, – откликнулся кто-то из накуреного угла.

– Готов держать любое пари, что война не за горами, – донёлся первый голос, пропустив шутку мимо ушей – Генерал Мичел не случайно затребовал тысячу человек и батарею артиллерии для охраны дороги через Платт.

– А я слышал, что губернатор Иванс потребовал защиты поселенцев на реке Южный Платт.

– Вот-вот, власти знают, что делать.

В июне газеты сообщили, что беспорядочные налёты индейцев продолжались. Военные отряды Шайенов и Лакотов не переставали тревожить белое население Платта. Там и сям видели воинов в боевом облачении.

– А что же вы ждали от них? – смеялись бородатые трапперы в старых замшевых куртках с жирными пятнами и потёртыми локтями. – Может быть, вы полагали, что дикари придут сюда в чёрных сюртуках пить с вами кофе и играть в бридж?

Кто-то из Колорадо рассказывал, что банда краснокожих угнала скот из ранчо на Угольном Ручье и после этого дерзко напала на лагерь переселенцев. Всё это чуть ли не на глазах жителей Денвера! Затем индейцы перебили небольшой караван. Горожане привезли в Денвер несколько изуродованных трупов и выставили их напоказ, и все ходили пялиться на обезображенные тела, кричали, собирались толпами, требовали немедленной мести и для чего-то фотографировались на память возле покойников. Лэсли-Таун тоже шумел. Летний зной клубился вместе с табачным дымом под потолком салуна. Жужжали назойливые мухи. Кто-то хрипло выкрикивал невнятные призывы и размахивал над головой флагом.

Проходивший через город отряд кавалеристов поведал возмущённым и обеспокоенным согражданам, что лагерь Опалённых Бёдер был здорово потрепан солдатами. Теперь же генерал Мичел собирал различные группы краснокожих в районе Коттонвуд. Затем стало известно, что вместе с Лакотами Мичел пригласил зачем-то и индейцев племени Поуни, с которыми Лакоты никогда не ладили. Из-за этого на месте переговоров едва не произошла схватка между враждебными племенами. Кто-то из окружения генерала сказал, что он пытался прыгнуть выше собственной задницы, усаживая Поуней и Лакотов за одним столом. Тогда Мичел пришёл в ярость и потребовал, чтобы все дикари немедленно убрались прочь.

– Мы не хотим уезжать, – сказал один из вождей Лакотов. – Мы не желаем вести войну, но на нас уже напали солдаты. У нас много убитых. Мы – Опалённые Бедра и хотим дружить с белыми. Но если мы уедем от вас, никто не остановит солдат, когда они придут. Они снова станут убивать наших женщин и детей. Длинные Ножи не отличают тех, кто на военной тропе, от тех, кто живёт в мире. Дайте нам белых, которые смогут объяснить солдатам это, когда те придут стрелять.

Мичел направил на краснокожих пушки и велел им уйти как можно дальше от дороги, по которой ходили обозы, словно это было залогом безопасности.

Краснокожие впали в раздражение. Поселенцев становилось слишком много, и им было наплевать на подписанные с племенами соглашения. Слухи накатывались волнами, и никогда нельзя было сказать наверняка, новое ли это известие, или кто-то до неузнаваемости переврал какое-то старое сообщение. Но было очевидно: краснокожих сильно разозлили.

2

Скопление всадников напоминало чёрную бурлящую воду, от которой густо поднимался пар в ноябрьскую ночь.

– Почти пять часов утра, сэ, – доложил ординарец громадному полковнику.

– Думаю, успеем ко времени. – Полковник поманил пальцем проводника-индейца и спросил: – Далеко ли ещё, Джек? Учти, что мне Белая Антилопа и Левая Рука нужны спящими. Нам не нужно, чтобы они проснулись, понимаешь ли ты это своей тупой кочерыжкой? Долго ещё?

– Близо, – ответил скаут. – Надо ходи тихо. Волк выть – собака слышать, как волк выть, и тоже выть. Индеец слышать собака и смотри внимательно. Если слышать чужое, бежать совсем. Индеец бежать, его не догнать. Осторожно ходи надо, очень тихо ходи...

– Послушай, Джек, – засмеялся мрачно полковник, – здесь шесть сотен человек, как могут они тихо шагать? Лошади храпят, оружие гремит. О чём ты говоришь мне? Не нужно обманывать. Если Чёрный Котёл или Стоящая Вода, да мне плевать, кто именно, застучает нас, я тебя выпотрошу. Клянусь, я давно не лакомился филейными частями краснокожих... – Он ткнул револьвер индейцу в лицо. – Если ты вздумал надуть меня, я на ужин сожру тебя с потрохами.

Подъехал старый следопыт-мулат Джим Беквурт.

– Мистер Чивингтон, – заговорил он увядшим голосом, – верьте этому парню. Джек доведёт нас. Это я уж совсем плох стал, след потерял.

– Да уж, Беквурт, на кой чёрт я тебя взял, старого хрыча такого? Проку от тебя, как от сырого пороху. – Чивингтон прищипорил коня. – Джек, давай быстрее, краснокожая тварь!

В шесть утра кавалеристы и пехота остановились.

– Джентльмены, – подъехал полковник к офицерам и откашлялся, – мы взяли на себя большое дело. В грязь лицом нельзя ударить – ставки слишком велики... За этим холмом нас ожидает слава и почёт, если ничто не поколеблет нас. Мы с вами внесём сегодняшний, двадцать девятый день ноября в историю нашей страны. Соберите волю в кулак, джентльмены, бейте все, что попадется вам на глаза. Пощадить сегодня дикарей – значит оставить другим работу на завтра. Отстреляйте эту пададь до конца, чтобы не слышать никогда варварского зловония. Пленных не брать. Женщин и детей для вас не существует сегодня, и вы не имеете права забывать об этом. Весь лагерь – мишень. Помните, что дети завтра превратятся в воинов. Из гниды вырастет вошь! С Богом, господа!

Офицеры погнали своих коней к эскадронам, и вскоре солдатская масса растеклась вширь, делясь на три живых бесформенных тела. Большая группа направилась прямо к табуну индейских пони, чтобы сразу лишиться дикарей возможности быстро отступить. Тут же послышалась беспорядочная пальба и разбойничье гиканье. Кавалеристы бросились на спящую деревню, от которой их отделяло лишь узенькое песчаное русло обмелевшего и заледеневшего ручья. Снега было немного, он не затруднял бег армейских коней, и солдаты надвигались, подобно стремительному тёмному дракону.

Прорвавшись сквозь поднявшийся дым первого нестройного залпа, кавалеристы очутились возле самого ручья. Теперь ясно и близко нарисовались в сером воздухе конусные жилища, припорошённые белым, и заматавшиеся между ними фигурки. Их становилось больше с каждой секундой, этих перепуганных человечков. Посередине деревни неожиданно взвился большой американский флаг и вздулся на холодном ветру красными полосками.

– Боже, это правительственные Шайены¹⁰, мирные то есть...

¹⁰ Шайены Чёрного Котла не имели отношения к военным набегам, хотя, зная весьма «свободное» отношение дикарей к мирным соглашениям, можно вполне предположить, что некоторые из молодых людей этого лагеря могли присоединиться

Этот одинокий удивлённый возглас растворился в топоте копыт. Разбираться оказалось уже не время. Свистели пули. Кони мчались сквозь пороховые клубы, нависшие над ручьём.

Эрик Уил, двадцатилетний волонтер, оказался в числе первых, кто влетел в серое сонное стойбище индейцев. В нескольких футах от себя он увидел громадную, как ему показалось, нечеловеческих размеров фигуру кричащего Чивингтона, к бороде которого примёрзли несколько капель слюны. Полковник размахивал над головой револьвером, и оружие выглядело смешной детской игрушкой в его руке.

– Что это за чучело? – прорычал Чивингтон, указывая вперёд.

– Сэр, это, кажется, Джон Смит. Правительственный переводчик! – крикнул кто-то в самое ухо полковнику.

– Какого чёрта он тут...

– Как вам известно, сэр, это не враждебные Шайены. Им выделили переводчика и ещё каких-то двух торговцев, – торопливо объяснил майор Энтони, сдерживая резвого коня.

– Тут и другие белые есть?

– Точно так.

– Скоты! Ублюдки! Разве можно так воевать?! – гаркнул Чивингтон. – Как его? Джон?.. Эй, дядюшка Джон, будь ты сто раз проклят!

Испуганный до смерти человек с поднятыми руками бежал к солдатам.

– Дядя Джон, дуй сюда! – кричал хрипло полковник и гнал коня к Джону Смицу, стреляя поперх его головы в мягкую стену индейского жилища.

– Господа! – приблизился запыхавшийся переводчик. – Что вы творите? Тут женщины...

Он упал без сил на снег.

– Дядя Джон, ковыляй на тот берег, – отрезал полковник, – тут тебе не место. Переводить не придётся.

Оглушительно стучали лошади вокруг. Эрик Уил снова тронул коня. Он видел, как другой отряд обходил деревню слева по противоположному берегу. Небольшая группа кавалеристов неслась также по руслу ручья, преследуя убежавших людей. С берега по лагерю стреляли пехотинцы. Воздух трещал и лопался. Эрик вскинул карабин и выстрелил пару раз наугад. Его лошадь перепрыгнула через неподвижное голое тело, затопталась на месте и перекосилась неожиданно набок, дрыгая ногами. Эрик успел высвободить ноги из стремян и покатился на припорошённую твёрдую землю. Животное сильно хрипело и тряслось, в горячем трепещущем брюхе его торчала стрела. Мимо проскакали бывалые солдаты, держа винтовки наготове. Один из них пустил коня на индейскую палатку, но конь не слушался, брыкался, затем всё-таки шагнул на кожаную стену и с хрустом завалил её, едва не упав вместе с хозяином. Шесты обломались и распорили в двух местах кожаное покрытие. Кавалерист торжествующе засмеялся, услышав из-под рухнувших на землю шкур и шестов чей-то жалобный вскрик. Эрик зашагал мимо жилищ. Повсюду уже валялись трупы, темнела кровь, стремительно пролетали тени солдат. Индейцы спешили уйти на дальний конец лагеря. По услышанным репликам Эрик понял, что они рыли на излучине в вымерзшем русле траншеи, чтобы скрыться в них и отстреливаться. Он посмотрел на реку. По песчаному дну дружно шагали пехотинцы, посреди них ехал верхом полковник и яростно кричал что-то. Слова его уносились ветром и перекрывались выстрелами. Иногда панорама затягивалась густым дымом. Эрик Уил постепенно добрался, обходя неподвижные тела, до того места, где он видел недавно поднятое американское знамя. Флаг лежал, втоптаный в грязный снег, вокруг в большом количестве были набросаны люди. Возле ног Эрика скорчился старый морщинистый индеец с восковым лицом. Его руки прижимали к окровавленной рубашке, от которой ещё шёл пар, щупленькое тельце грудного ребёнка,

к другим военным отрядам. Однако присутствие нескольких правительственных переводчиков в стойбище однозначно говорило в пользу Шайенов: они были мирными.

посиневшее на морозе. Слева от Уила толпились солдаты и со смехом наблюдали, как разгорячённый бородач выдёргивал из цепких рук какого-то мертвеца ярко расшитое покрывало. Подскакал всадник в охотничьем наряде и сверху осмотрел убитого.

– Э, друзья, да ведь это сам Белая Антилопа. Отвоевался, выходит, вождь. Семьдесят пять ему примерно, – сказал он и сплюнул, – старый волк... А покрывало, между прочим, Навахи ткали, это их стиль.

Охотник спрыгнул на землю и помог разжать пальцы убитого вождя.

– Я ещё скальп его прихвачу на память, – раздражённо заявил бородач.

– Ну, мне тоже кое-что достанется, без ничего не уйду, – засмеялся охотник и ловко сорвал с неподвижного старика тряпичную набедренную повязку. – Отрежу ему эту штуку, сделаю из неё кисет для табака и продам какому-нибудь любителю индейского искусства.

Он выхватил широкий нож и воткнул его в пах мертвецу.

Эрик торопливо отвернулся и тут же вздрогнул. Прямо на него смотрели глаза. Две маленькие девочки сжались в комок, вцепились друг в друга тонкими руками и дрожали. Старшая зажмурила глаза. Чёрные волосы слиплись от крови. Младшая повернула лицо к Эрику и смотрела на него. У неё были огромные глаза, тёплые и влажные, как у коровы. Бездонные чёрные зрачки источали невыразимую печаль и отчаянье.

Воздух гудел, переполненный огромным костром, и ветер носил над землей непроглядную массу дыма. Нечеловеческие крики резали уши. Уил не сделал и десяти шагов, как из-за дымящихся шестов навстречу ему вышла растопыренная фигура. Руки ощупывали пространство деревянными пальцами. Замшевое платье пропиталось кровью и талым снегом. А кровь не переставала течь по плечам. Это была женщина. Уил отшатнулся и закричал: у неё был сорван скальп, и широкий лоскут кожи со лба свесился вниз, залепив ей глаза, залил кровью лицо. Она была похожа на слепую. Ответив на резкий крик солдата едва заметным движением руки, индеанка поплелась дальше, трудно передвигая ноги, оступаясь, поскользываясь.

Эрик рухнул в снег, холод обжёг ему лицо. Нечто невообразимое и огромное распухло в его голове и требовало выхода наружу. Нечто невыносимое, что не могло дольше оставаться внутри. Оно не вмещалось в сознание, оно терзало мозг, раздирало его. В одно мгновение война вздулась в голове кровавыми кишками и перехватила ими, как щупальцами, горло. Когда он заново открыл глаза, ему стало легче. Крики пропали, смолк треск пылающих костров, не звучали выстрелы. Он встал и твёрдым шагом направился к ручью. Он никого не искал, ни от кого не убегал. Он просто шёл, переступая через замёрзшие изодранные тела, безразлично отталкивал встречных солдат. Пару раз он натёкался на кавалеристов, которые стояли на коленях и резали большие куски мяса. Уил опрокинул одного из них, перешагнул и продолжал путь. Его обругали. Он шагал до тех пор, пока не добрался до русла речушки. Здесь его свалил с ног рослый сержант и подмял под себя. Неподалёку виднелись кучки песка, за которыми прятались индейцы. Их обнажённые тела время от времени вскидывали луки и стреляли в солдат. Ледяной ветер успевал взвихрить их длинные волосы, не сплетённые после сна в косы.

– Я хочу умыться, – сказал громко Эрик из-под мощного тела сержанта, – пустите меня к воде. Я грязен...

3

Он пришёл в себя в Денвере, но оставался неподвижен и молчалив много дней. Он не узнавал комнату, безучастно смотрел на худосочного врача с колючими усиками и винно-табачным запахом из рта. Восторженный рёв толпы, доносившийся иногда с улицы, не будоражил его. Лишь однажды Эрик Уил заметно взволновался, когда кто-то в комнате сказал, что в театре демонстрировали взятых в плен индейских детишек.

– Не может быть! – воскликнул он. – Это ложь. Пленных не брали.

Затем его куда-то перенесли. Туманный голос временами сообщал ему о чём-то, но он понимал лишь интонацию, а не слова.

К середине января он был на ногах и собрался в дорогу. Денвер, всё ещё праздничный, поющий новогодние гимны, пугал его шумом и многочисленными тенями недавней резни. Обросшие люди с длинными скальпами на поясах и кисетами из женских грудей вызывали в Эрике дрожь и слабость. Он спешил подальше от войны.

К своей тётушке, миссис Пруденс, он прибыл в Лэсли-Таун в начале февраля. Эмма Пруденс, вдова с пятилетним стажем, слыла добродушной старушкой и несколько странноватой особой, которая никому ни в чём не отказывала. Заботиться и опекать кого-нибудь стало её навязчивой идеей после смерти мужа. Многие посмеивались, многие жалели её. Она любила плакать и получала от этой своей слабости глубочайшее наслаждение. Она плакала на похоронах Юдит Моррисон и на похоронах её убийцы. Она плакала на похоронах какого-то пьянчуги, которого пыталась взять на поруки однажды, но он не поддался и, спрячась от неё, свалился со второго этажа. Она плакала по любому поводу, когда можно было кого-нибудь пожалеть.

Теперь у Эммы Пруденс поселился племянник Эрик Уил, который, на её старушечье счастье, оказался с расстроенными нервами и явно нуждался во внимании и лечении. Она с радостью обрушила на него всю скопившуюся в её добром сердце любовь и заботу. Обыкновенно Эрик проводил целые дни дома, но иногда бродил без дела по улице.

Однажды он познакомился с Билли Шкипером и даже решился заходить в его компании в салун, полный шума и дыма. В одно из таких посещений Эрик, сидя в уголке напротив Шкипера, вдруг съёжился. Билли обернулся и проследил за взглядом юноши. В помещение ввалился крупный мужчина в грязной залатанной военной форме, давно не брившийся, с голодным и нездоровым лицом.

– Чем он напугал тебя, малыш?

– Это один из них, – еле слышно сказал молодой человек и втянул голову в плечи.

– Кто?

– Он был там... на Песчаном Ручье. Я помню его лицо.

– Брось. Я готов держать пари, что такие рожи тут у каждого десятого. Мир кишит ублюдками всех сортов. Они толпятся за каждым поворотом, теснятся в любом кабаке. Может быть, это и тот, кто тебе запомнился... Какая разница?

– Знаете, мистер Шкипер, мне сейчас гораздо страшнее, чем тогда. Сейчас мне кажется, что от каждой ужасной мысли любого человека ко мне тянутся невидимые иголки. Они не перестают колоть меня. Мне постоянно больно и страшно... Тогда мне не было страшно. Я не успел испугаться. Я был просто раздавлен, я был в шоке, все мои чувства разрушились. В Денвер однажды привезли изувеченные тела переселенцев, которых убили индейцы. Их выставили на площади для всеобщего обозрения и повесили плакат: «Это ждёт всех, если мы ничего не предпримем». Конечно, вскипел гнев. И мы отправились мстить. Полк состоял большей частью из непрофессиональных солдат, как мне показалось, но по их лицам читалось, что они кое-что умеют... решительность... нет, ярость сквозила в лицах. Теперь я думаю, что это просто бандиты... Поверьте, пальнуть в человека не трудно на расстоянии. Меня, думаю,

не смутило бы большое число застреленных в бою. Но ведь там не убивали, там просто терзали, сдирали кожу с живых людей. Это ведь не война. Воюют с противником, а Шайенов за таких не считали. Их держали просто за мясо! Мясо, а не тело, не человек! Женщинам отрезали груди. Один солдат потом похвалялся, что отрезал грудь у живой индеанки. Он очень смахивает на того, который сейчас вошёл в салун. Я уверен, что это он... Это не жизнь, это не война, когда детей отстреливают в упор, когда женщин, которые просят пощады, убивают с особым шиком – саблей в шею. Полковник запретил брать пленных, солдаты опьянели от крови. Они после боя застрелили проводника-метиса, просто подошли и застрелили... Трёх детишек специально пощадил, чтобы в городе выставить напоказ. Их демонстрировали в театре, в опере, брали за вход пятнадцать центов с человека (переправа на пароме стоит десять) ... Когда меня уносили из уничтоженного лагеря, мне казалось, что я тоже умер, что вся жизнь умерла. Я лишился ощущений. Я видел, как солдаты вырезали у одной индеанки ножом тело между ног, затем один из них натянул эту мякоть на лук седла... Помню неродившегося ребёночка, который вывалился из распоротой саблей беременной женщины... Из женских грудей они делали кيسеты для табака...

Билли Шкипер взял Эрика за руку и остановил его.

– Успокойся, малыш, слышишь? Чёрт меня знает, как это я позволил тебе опять ворошить прошлое...

Он обернулся и пристально взгляделся в мужчину, который так напугал Эрика Уила. Незнакомец бросил мокрую шляпу на стол и слюнявил бумажку для самокрутки. Потом он залез рукой в карман и достал кiset. Билли вытянул шею, но за головами других посетителей не разглядел, какой это был кiset.

Жена (1865)

1

Июль окутал солнечным воздухом Бака Эллисона и Билли Шкипера в городе Спрингфилд, куда они прибыли по коммерческим делам Шкипера. Бак, как уже повелось, проводил время на улице и в салуне, лишь иногда сопровождая Шкипера на деловых встречах.

Однажды он остановился в толпе, привлеченный прозвучавшим позади него именем Дикого Билла. Он обернулся и увидел двух милостивых молодых женщин. Они шли под розовыми пушистыми зонтами и увлечённо беседовали. Спустившись с пыльного деревянного помоста перед магазином, они остановились и, разглядывая свои мутные отражения в витрине, обсуждали какой-то любовный конфликт Дикого Билла.

– Простите, милые леди, – Бак Эллисон приподнял над головой шляпу, – я невольно услышал, как вы упомянули Билла Хикок. Он, как я понял, сейчас находится в этом городе. Не подскажете ли, как его найти?

Женщины оценивающе осмотрели стройную фигуру Эллисона и засмеялись.

– Его всегда можно найти за игорным столом, сэр. Вам, правда, придётся обойти все салуны и заглянуть каждому картёжнику в лицо. Как только вас встретит ствол револьвера, вы можете быть уверены, что это именно мистер Хикок.

– Благодарю, – ответил Бак, – но думаю, что узнаю его раньше, чем он окажет мне столь благосклонный приём.

Он отыскал Билла через пятнадцать минут в полупустом заведении, где на большей части столов лежали вверх ножками стулья, а худой негр возил по полу мокрой тряпкой на палке. Билл сидел лицом к распахнутой двери, спиной к стене и встретил появление Эллисона пристальным взглядом. Бак подошёл вплотную и спросил разрешения присесть.

– Стол занят, друг. Но ты можешь быть зрителем, только не торчи над душой, – холодно ответил Хикок.

– Меня зовут Бак Эллисон... Далёкий Выстрел.

Билл сложил свои карты в стопочку, положил их лицом на стол и поднял глаза.

– Мы встречались?

– В Ливенворсе я подал тебе часы, которые один франт не успел сам вручить тебе.

– Ах! – вскинул руки дуэлянт. – Прости, друг, я слишком увлечён игрой... Конечно! Я тебя в скауты тащил, а ты торопился в объятия краснокожих, если не ошибаюсь. Но ты здорово изменился, я вижу. Больше не индеец? Кому-то, похоже, удалось вернуть тебя в лоно цивилизованного мира...

Через полчаса Хикок затолкал в кошелек выигрыш и велел негру кликнуть хозяина. Бак устроился напротив. Хозяин принёс две кружки пива.

– Да, приятель, жизнь уходит безвозвратно, – говорил Хикок, – и я в ней, кроме ошибок, ничего не совершаю, чёрт меня возьми. Когда нет спроса на мой револьвер, окунаюсь в карты. Не подумай только, что покер стал смыслом моей жизни. Но он здорово занимает время, особенно сейчас, когда на душе скверно... Мне тут понравилась одна барышня. Клянусь моими глазами, я ничего не обещал ей. Обыкновенный флирт. Но есть у неё брат, некий Дейв Тат. Едва я перекинулся к другой женщине, этот Тат стал мне надоедать. Мерзавец заявил, что я далеко не джентльмен, коли променял его сестрицу на Сюзанну Мур. Он даже осмелился угрожать мне. Прошло немного времени, и я заметил, что этот Тат увивается возле моей Сюзанны. Он ей не увлётся, это ясно как божий день, а просто решил поднасрать мне слегка. Но она, мокрощелка в шляпе, как я вижу, отвечает на его ухаживания.

– Сдаётся мне, что я твою Сюзанну видел на улице, – сказал Бак.

Билл пропустил слова Эллисона мимо ушей. Он о чём-то задумался, потом хлопнул себя по лбу и воскликнул, что вечером пригласит Бака в ресторан и познакомит с Сюзанной Мур.

– Глянешь со стороны. Свежий глаз полезен. Может, не стоит из-за неё руки-то марать.

Вечером они снова встретились. Бак прихватил Билли Шкипера, ему было приятно познакомить Билли с кем-нибудь из своей старой жизни (к тому же Хикок был весьма известен в определённых кругах, хотя Шкипер никак не соприкасался именно с этими кругами). Мисс Мур пришла с подружкой.

– Джессика Свит, – представила она её и усадила подле себя. Человек поднёс на овальном подносе ароматные блюда, от которых валил аппетитный пар. Мало-помалу нелепый разговор о погоде и театре перешёл на тему любви и нащупал главного рыцаря темы.

– Я никогда ни словом, ни взглядом не признавалась вам в любви, Билл, и мне не доставляет удовольствия, что беседа эта происходит при посторонних. Но раз вы настаиваете на выяснении отношений, пожалуйста... Я достаточно хорошо знаю мужчин, чтобы понять, чем именно вы так оскорблены. Вы абсолютно меня не любите, но ваше самолюбие задето: как же я позволила себе обратить взор на другого, когда вы не дали на то своего согласия? Я успела первой оставить вас, а вы к такому обращению не привыкли. Кроме того, подпустила к себе не просто мужчину, а Дейва Тата... Для вас это удар.

– Замолчите, – хлопнул Хикок по столу.

– Простите, господа, – поднялся Шкипер, – я вынужден вас покинуть. Мне приятно ваше общество, но у меня намечено ещё одно дельце.

Он ушёл, поглаживая себя по насытившемуся брюшку.

– Вы просто вертихвостка, дорогая Сюзанна, – угрожающе понизил голос Хикок.

– В таком случае, мистер Хикок, – она встала, – позвольте мне пойти повертеть хвостом в том обществе, где мне это приятно делать.

– Катитесь к дьяволу! А то я приложу руку к вашему хвосту и вырву его с корнем!

Сюзанна зашагала прочь. За столом осталась смущённая Джессика Свит, Эллисон и Хикок.

– Хватит, мне надоело всё это смертельно. – Билл вышел из-за стола, поклонился движением головы и скрылся в коридоре, бросив официанту ворох денег. Простучали его тяжёлые шаги.

В ту ночь он устроил пьяный дебош в доме Лайона, где снимал комнату. Перепуганные постояльцы слушали его грубую брань, затаив дыхание. Никто не осмелился подойти к разъярённому Биллу, ибо все прекрасно знали о его неумной страсти к стрельбе по живым мишеням.

Бак проводил Джессику и долго не соглашался распрощаться с ней. В темноте он видел её красивые глаза на слегка освещённом луной лице. Она смотрела на него внимательно и словно чего-то ждала. Но Бак не угадал её желания, снял шляпу и ушёл.

Утром он нашёл опухшего Хикока за карточным столом. Подняв глаза на Эллисона, Билл тихонько присвистнул.

– Вот такая штука... любовь...

– Наплюй, – сел рядом Бак, – я бы рад посочувствовать тебе, но не могу. Не вижу повода для печали. Хороший бык всегда найдёт себе телочку. Любовь тут ни при чём... Хлебни виски, тебе сегодня полезно.

– Было бы полезнее свернуть Тату шею...

2

Три дня подряд Бак встречался с Джессикой Свит, бесцельно бродил с ней по городу, подолгу сидел в салунах, говоря о всякой всячине, и один раз выехал на коляске в прерию. Их настиг проливной дождь. Бак сорвал с себя пиджак, чтобы укрыть очаровательную головку спутницы. Она весело смеялась, прячась от сильных струй, а Эллисон нахлёстывал рыжую кобылу, то и дело оборачиваясь, чтобы посмотреть в блестящие тёмные глаза, выглядывающие из-под мокрого пиджака. Коляска прикатила в залитый лужами Спрингфилд, и они бросили её на Южной улице, где жила Джессика. Скрывшись под навесом перед дверью, они долго хохотали, прижавшись спинами к стене.

– Шкипер закончил свои дела, мисс Свит, и мы завтра уезжаем в Небраску, – сообщил Эллисон, встряхивая головой.

– И что? – Джессика последовала его примеру и завертела головой. Посыпались брызги. Бак ощутил в сердце внезапное покалывание, увидев за растрёпанной причёской и каплями разлетающейся воды густую синеву женских глаз и призывный рот.

– Послушайте, Джесс...

– В чём дело?

Он едва сдержался, чтобы не стиснуть сильной рукой её гибкую шею. Неожиданно он понял, что никогда больше не будет иметь возможности приблизиться и притронуться к ней (а такое желание вдруг охватило все его существо), если не скажет ей что-то важное, необходимое. Неведомая ему дотоле паника закипела в душе.

– Джесс, мы завтра со Шкипером возвращаемся в Небраску.

– Вы уже сказали.

– Так вот мне хотелось бы, чтобы вы были со мной, – решительно заключил он.

– Вы удивительный человек, Бак. Вы просите меня об этом, будто дотрагиваетесь до запретного плода.

– Я не понимаю вас, мисс.

– Я ждала, что вы обратитесь ко мне с этим в первый же вечер.

Бак растерялся и для чего-то огляделся.

– После ресторана? – уточнил он.

– Да. Мы вместе ужинали, познакомились. Однако вы, вероятно, постеснялись. – Она приблизила к нему лицо и облизнула губы.

– Я вовсе... Да вы, конечно, неверно поняли меня, Джесс! Я не о том, чёрт меня дерит! Я хочу, чтобы вы были со мной. Я хочу вас в жены!

– Боже праведный! – вырвалось у женщины. – что за глупая шутка, мистер Эллисон?

– Какая шутка? Я говорю, как никогда, серьёзно. Может, принято произносить какие-то иные слова, но я в этом деле не смыслю ни на цент. Клянусь собственной жизнью. Я говорю то, что я чувствую. Мне только что стало понятно моё желание, Джесс. Но держу пари, что вы мне не верите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.